

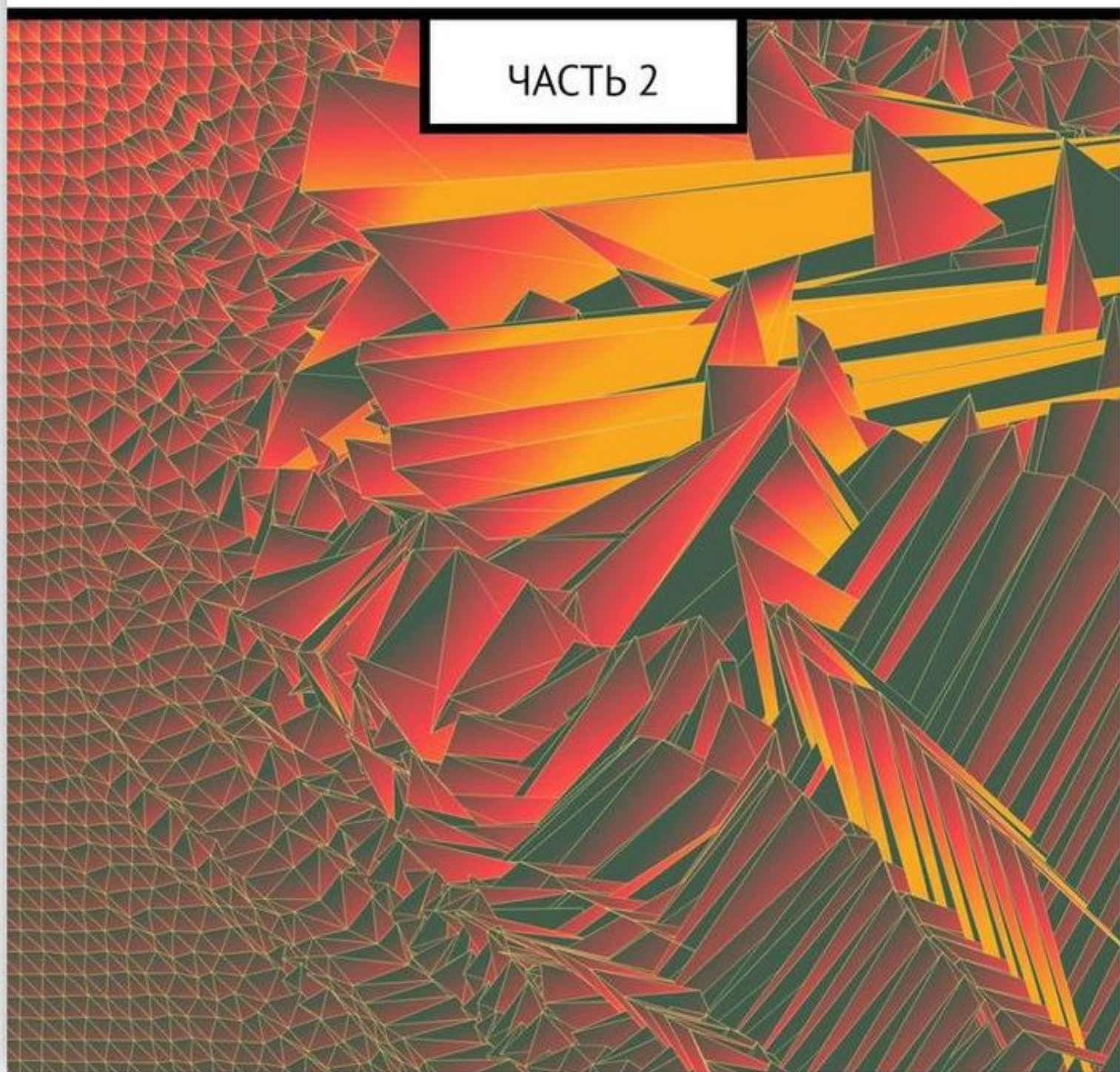
18+

АЛЕКСАНДР ШУВАЕВ

ГНОМ

ЧАСТЬ 2

Александр Шуваев

Гном. Часть 2

«Издательские решения»

Шуваев А.

Гном. Часть 2 / А. Шуваев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-983105-7

Вторая часть трилогии «Гном». Две части. 1-я — август 1943 года. Война явно идет к концу, сюжет первой части построен вокруг встречи «Большой Тройки». Стороны поочередно приводят весомые аргументы. 2-я — построена вокруг интриги ГГ и бунта генералитета за несколько дней до конца войны и связанная с этим смена самого устройства власти в СССР. Далее — Восточная кампания (с Японией), победа, приведшая к совсем иному устройству мира, нежели в реальной истории. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-983105-7

© Шуваев А.
© Издательские решения

Содержание

Гном	6
– А!?	15
– И?	24
– ... англичан. – А?	37
Запоздалый аргумент	41
О природе смуты	49
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Гном Часть 2

Александр Шуваев

© Александр Шуваев, 2020

ISBN 978-5-4498-3105-7 (т. 2)

ISBN 978-5-4498-2694-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гном

Книга вторая. Часть третья.

Августовская аргументация

Очередная встреча Большой Тройки, организованная преимущественно по настоянию британской стороны, состоялась пятого августа, в Ялте. Товарищ Сталин, пожалуй, никогда еще не был столь откровенен. По крайней мере, последние лет пятьдесят. Существует парадокс: фальшивку с подлинником спутать куда легче, нежели подлинник с фальшивкой. Когда человек высказывается по какому-то серьезному вопросу откровенно и без сколько-нибудь значимых недомолвок, это чувствуется практически безошибочно. Особенно такими зверями, как сэр Уинстон Спенсер Черчилль и Франклин Делано Рузвельт. И производит сильное впечатление, более, чем что-либо другое. Впоследствии он и сам задумывался: говорил ли он правду этим бесконечно далеким и чужим людям, по крайней мере один из которых был настоящим, форменным врагом. Это когда человек ненавидит тебя от души, вне зависимости от того, пересекаются ваши интересы или нет. Иррационально. И тогда Вождь пришел-таки к выводу: это был редкий случай, когда он сам не знал, были его слова правдой, или нет. Они вполне *могли* ею быть, а проверять не было никакого резона. Просто вредно. Эта внутренняя убежденность, безусловно, добавила убедительности его словам. Но этого в данном случае было мало: ему совершенно необходимо было, чтоб в этот момент все сошлось одно к одному совершенно точно.

(Примечание редактора. Приведенная ниже речь И.В.Сталина на одном из заседаний Большой Тройки застенографирована 06.08.1943 года Екатериной (Кэтрин) Робинсон, в девичестве Кетован Пахлавуни. С какой стати Государственный Департамент искал стенографистку с безукоризненным знанием русского, чтобы при этом непременно знала грузинский, теперь уже, пожалуй, и не установить. Сравнение с параллельно проводившейся звукозаписью свидетельствует об очень высокой точности и полноте восстановленного текста. А еще, на взгляд редакции, о, как минимум, двойственном отношении стенографистки к Сталину. Или к Джугославию? Наряду с подлинником стенограммы, наряду с беловым вариантом ее расшифровки, она взяла на себя труд оставить после себя еще и такого рода свидетельство. Впрочем, судите сами.)

«– Ви, очевидно считаете, – говорил Верховный Главнокомандующий, обводя собеседников медленным взглядом, – что Сталин является всэвластным правителем Советского Союза? Что слово его – закон, и ему... сойдет с рук *любой* произвол? С известными *аговорками* это, может быть, и соответствовало истине до войны. Но с тэx пор, как вам известно, многое пэременилось. Среди маршалов, видвинутых войной, нэт ни одного *глупого* человека, они отлично понимают, что разбираются в военном деле гораздо лучше, чем я. И генералы промышленности ни в коем случае им не уступают. Может быть, они даже более опасны, коварны, организованы и упорны, чем высший генералитет. И у тех, и у других есть миллионы сторонников, преданность которых они *заслужили* чэстно.

Я обладаю властью только постольку, поскольку делаю то, что хотят они, и только до тех пор, пока у меня это получается. В этом моя власть ничем существенным не отличаюсь от вашей. И если я всерьез встану на их пути, – он мимолетно усмехнулся, показывая собеседникам, что, вроде как, шутит, – вовсе нэ факт, что верх останется за Сталиным. Скорее, это они съедят Сталина, как муху, если он заденет интересы слишком многих. Мэня нэ поймут, если я остановлю Красную Армию сейчас, в двух шагах от Берлина. Мне нэ дадут этого сде-

лять. Господа, правильное всего было бы... смириться с тем, что Германия *будет* раздавлена в ближайшие месяцы, как с непреложным фактом. Так же, как и с тем, что армия победителей считает разгром фашистов почти исключительно своей заслугой.

Затягивать войну сейчас, когда нэмецкие войска дезорганизованы, обозначало бы обречь на смерть еще десятки тысяч молодых людей. Как объяснить людям, во имя чего такие жертвы?

Нэ давать генералам воевать так, как они считают нужным, значит мешать им. Значит, товарищ Сталин либо глупец, либо предатель и убивает своих, *ни* в чем нэ повинных людей бэз всякого смысла и ползы. – Он, оглядев собеседников, медленно покрутил головой. – Я нэ буду в угоду каким-то посторонним, – да каким угодно! – соображениям делать свою работу Верховного Главнокомандующего плохо, это не по-мужски.

Серьезных причин для того, чтобы прекратить боевые действия и начать переговоры о чем-либо, кроме бэзоговорочной капитуляции, просто нэ существует, и ви нэ сможете назвать мне *ни* одной.»

– Блестяще, Уинстон. Ни одной фальшивой ноты! Как это ни смешно, я не мог отделаться от впечатления, что он и впрямь верил в то, что говорил.

– Не пойму, – Черчилль с усилием, как будто у него плохо гнулась шея, поднял на Рузвельта взгляд, – о чем вы говорите? Только что он, по сути, заявил, что не собирается выполнять прежних договоренностей, – а вы восхищаетесь тем, как ловко он это обосновал...

– Я ничего не слышал относительно какого-либо пересмотра договоренностей. Только о том, что не прекратит боевых действий, пока немцы не капитулируют.

– Сейчас не время для формальных разговоров. Продвижению его войск должен быть положен надлежащий предел!

– Могу только процитировать маршала Сталина: с какой стати? И добавлю от себя: каким образом?

– Завтра следует предельно жестко обозначить нашу общую позицию.

– Вы говорите... о чем-то вроде ультиматума?

– А хотя бы и так! Кстати, – вы, не я, первый произнесли это слово.

– Замечательно! И чем вы готовы прямо сейчас, завтра, подкрепить СВОЮ позицию? Чем именно вы напугаете робкого и слабодушного маршала Сталина настолько, чтобы он отказался от победы, оплаченной такой кровью?

– Вы, возможно, не знаете, господин президент, но это не первый случай в наших отношениях с Россией. Были исторические прецеденты. И они тогда прекрасным образом убрали свои лапы от Стамбула и Проливов, натолкнувшись на твердую позицию... цивилизованных стран.

– Вы говорите об угрозе применения вооруженной силы? Хорошо. Я не против, потому что меня самого вовсе не устраивает развитие событий. Только давайте все обсудим трезво, без лишних эмоций. Вы готовы? Тогда начнем.

Не знаю, как у вас, а у меня сложилось впечатление, что маршал Сталин сегодня обозначил свою окончательную позицию: повлиять – могу, прямо остановить войска в связи с какими-то вздорными обстоятельствами, непонятными армии и народу – не могу, делать это окольными путями, мешая правильному ведению боевых действий, не хочу и не буду. Это непробиваемая позиция. Вы начнете угрожать, он вам повторит то же самое, только с большим раздражением. Далее. Когда у нас планировалась высадка на континенте? В мае следующего года? Тогда практический вопрос: сколько вам потребуется времени, начиная с этой минуты, чтобы высадить во Франции или Голландии столько войска, чтобы они могли хотя бы *обозначить* присутствие на континенте? То есть не менее восьми-двенадцати дивизий? Не менее месяца, не так ли? Понятно, при соблюдении целого ряда условий: немецких войска не будет, или же они не сопротивляются.

– Я думаю, в свете сложившихся обстоятельств мы найдем взаимопонимание с гуннами.

– В этом я практически не сомневаюсь. Такие люди среди высших чинов наци, несомненно, есть. Не идиоты же они, в конце концов. Остается только отыскать их, наладить контакт с каждым, поддержать заговор, если он есть, или помочь с организацией, если такового нет. Дальше им с нашей помощью остается только устранить Гитлера, – физически или организационно, – победить фанатичных наци из числа СС, консолидировать власть и довести нужные приказы до войск на Западе. Неизбежная неразбериха в верхах, связанная со сменой руководства, окончательно дезорганизует управление тем, что еще осталось от войск на Восточном фронте. Боюсь, русские не проявят надлежащего благородства и не остановят в связи с этим наступления. Скорее наоборот. Не знаю, как вам, а мне кажется, что все еще остается слишком много «если». И опять-таки даже при фантастическом везении на все это потребуется какое-то время. А я боюсь, что его нет. Совсем.

– Что-нибудь, – тон Черчилля был на редкость мрачным, а взгляд – откровенно тяжелым, – еще?

– Да нет, практически все. За исключением пустяка. Наш союзник с явным уважением относится к Королевским ВВС. Прекрасно отдает себе отчет, что у него нет флота, хотя бы отдаленно сопоставимого с флотом Его Величества. Но, боюсь, у маршала Сталина может иметь место... превратное впечатление о боеспособности Королевских сухопутных сил. В силу недостаточной информированности. В этом случае он может воспринять угрозу... не так серьезно, как вы, очевидно, рассчитываете. Видите ли, он превосходно знает, что в Африке британскому контингенту потребовалось полтора года, чтобы научиться удерживать позиции при пятикратном перевесе в силах, а никакими более впечатляющими примерами он не располагает. Если существует вероятность, что, выслушав вашу угрозу, он проигнорирует ее... лучше вообще не поднимать эту тему.

– В Африке мы имели дело с лучшим тактиком в мире. Странно что мне приходится говорить вам об этом.

– Бесспорно. Очень правильные слова. Но для маршала Сталина их логика может оказаться не столь очевидной. С одной стороны – Роммель попросту никак не проявил своих дарований на Восточном фронте, его не знают, а с другой, – британская армия стяжала ничуть не большие успехи в столкновении с Манштейном, Гудерианом и Готом, которых они знают очень хорошо. Первые двое, кстати, уже в отставке ввиду, мягко говоря, неубедительных успехов на Восточном фронте.

– БРИТАНСКАЯ армия? Не армии союзников? Я правильно вас понял?

– Время, господин премьер-министр. Нас, к сожалению, разделяет Атлантика. Так что на первых порах Британской империи придется взять всю тяжесть нового конфликта на себя. И от успеха ее армии будет зависеть мера участия в этом конфликте армии США. Видите ли, поддержка действий Англии на европейском театре военных действий народом и Конгрессом Соединенных Штатов на самом деле не такое уж очевидное дело. Слишком многие считают, что нам вообще не следует лезть в европейскую кашу со своей армией. Даже Британию у нас не все так уж безоговорочно любят. И если участие в новой войне, смысла которой люди не понимают, потребует больших потерь... моя администрация не удержится у власти, Уинстон. А у нас еще далеко не все решено с Японией. И если мы всерьез поссоримся с русскими, – а у них мирный договор с Японией, который японцы свято соблюдали! – они смогут сделать это решение *недопустимо* долгим.

– Все равно вы меня не убедили.

– И не стремился, господин премьер-министр. Просто пытался, рассуждая вслух, обозначить объем стоящих перед нами, – вами и мной, – трудностей. Если в моих рассуждениях что-то ошибочно, поправьте меня. Я буду искренне рад, если кто-нибудь меня переубедит.

– Вы считаете, что дядя Джо не блефует и его армия и впрямь настолько боеспособна?

– Мне кажется, – Рузвельт улыбнулся обычной своей обаятельной улыбкой, – было бы правильнее, если бы этот вопрос вы задали вашей разведке, господин премьер-министр. Точно заданный вопрос, знаете ли. Чтобы люди поняли, чего именно вы от них хотите. Я не сомневаюсь в добротности добываемых ими фактов... но, видимо, они по какой-то причине не складываются в полную и объективную картину.

По окончании беседы Черчилль долго лежал на диване, уставившись невидящим взором в стену. По сути дела, этот ублюдок сказал ему, что считает попытку какого-либо нажима на опасного союзника авантюрой и опасной глупостью, а если Англия в нее все-таки влезет, так чтобы на помощь США особо не рассчитывали. А еще, что поспешная попытка вот так, без подготовки, высадиться на континент кончится тем, что британскую армию разгромят либо немцы, либо русские. Что Рузвельт знает такого, чего не знает он, Черчилль?

– Герр фон Браун, только от вас зависит, кем вам быть: военным преступником, прямо повинным к смерти ста тысяч заключенных, или творцом, целиком погруженным в мечты о Космосе и отрешенным от окружающего его преступления.

– Я не вижу, – сухо ответил конструктор, – чем бы мог быть полезен вам.

– Правда? Ну, если это единственное препятствие, то его очень легко устранить. Мы вам покажем, чем можете быть полезны. И насколько.

– Боюсь, вы все-таки заблуждаетесь. Судить о степени своей полезности *вам* могу только я сам. И больше никто.

– Фон Браун. Должен признаться, что в вашем случае испытываю сомнения. Вы, преимущественно, – конструктор? Или, по большей части, все-таки человек СС? А я очень не люблю испытывать сомнений. И руководство против. Оно любит, чтобы подчиненные действовали без всяких сомнений, будучи твердо уверены в своей правоте и правоте нашего великого дела. Вы можете сотрудничать, и в этом случае имеете шанс прожить довольно насыщенную жизнь. Можете отказаться от сотрудничества, и тогда просто сгинете. Без всяких мучительных казней, просто и банально отправитесь в яму вместе с другими безымянными трупами. То, что бесполезно, называется мусором, вот и с вами поступят, как положено поступать с мусором. Отправят на помойку.

Конструктор, оттопырив губу, презрительно фыркнул.

– Вы хотите напугать смертью – офицера СС? Мы все готовы к ней. Вне зависимости от должности. И трусов среди нас нет.

– Я пока что даже и не начинал вас пугать. Я только говорю, что вы можете закончить свои дни без смысла. Все мысли, находки, озарения, опыт и мастерство. Все, что вы считали своей сутью, пойдет в мусор заодно с этим бранным телом.

– Да. Это, действительно, более чем досадно. Но перспектива рабства у недочеловеков, – вы только поймите меня правильно, – привлекает меня еще значительно меньше.

– Не понимаю. Вы, кажется, пытаетесь меня провоцировать? Серьезному работнику, серьезному убийце, да и просто взрослому человеку такое мальчишество просто неприлично. По двум очень разным причинам. Во-первых, – неужели вы думаете, что я отступлю от своих планов, как-то там отреагировав на ваши слова? Вы вообще не можете меня ни обидеть, ни, тем более, спровоцировать. Просто по статусу. Во-вторых, – вы просто не представляете себе, чем рискуете, если провокация ваша вдруг удастся, и все-таки лезете на рожон. В моем подчинении есть специалисты, которые за сутки-двое ломали любых фанатиков из «Лейбштандарта». Вы им и в подметки не годитесь, хоть и штурмбаннфюрер. Возникни такая необходимость, и вы послезавтра же будете ползать у меня в ногах. Целовать руки, молить о пощаде и выполнять любые приказы. Это точная наука, и исключений тут не бывает. В данном случае такой необходимости я не нахожу.

– Вы не находите? Или вам не велит меня трогать ваше начальство?

– Мне доверяют. Уж такого-то уровня вопросы я могу решать самостоятельно. И, глядя на вас, я все больше склоняюсь к варианту «просто пристрелить». Вы бесполезны. Мы захватили и готовые ракеты, и детали, достаточные для сборки еще двух десятков, и документацию, и станки. Ваши люди расскажут и покажут необходимые частности, а повторять целиком вашу дерьмовую, сырую самоделку значило бы даром тратить время.

– Это кто же вам сказал?

– Один из специалистов по ракетной тематике. Насколько я понимаю в людях, ему в конце концов подчинят всех остальных. Он превосходно справится с вашим делом и без вас. И, думаю, получше вас.

– О-о, ответная провокация?

– Я не занимаюсь бессмысленными вещами. Человек, которому не нужно повторять решение проблем, которые решили вы, имеет возможность особенно детально рассмотреть ваши ошибки.

– Для этого нужно иметь если не равный, – а это невозможно, – то хотя бы сопоставимый уровень. А ему попросту неоткуда взяться в России. Вы расстреляли всех мало-мальски приличных инженеров-ракетчиков. И до этого ваши успехи не впечатляли.

– Вы либо убедитесь. Либо нет. И запомните: убить – проще всего. Сломать, забив до полуживотного состояния, немного посложнее, тут уже нужны специалисты своего дела, но это делали инквизиторы еще пятьсот лет тому назад. Когда добивались покаяния всяких там Галилеев. Можно убить душу, посадив на треть грамма морфия в сутки, превратив в лживое, абсолютно покорное, ни на что не годное дерьмо. Но и это далеко не высший уровень. Высший, – это когда человек сам, по доброй воле, без всяких пыток и наркотиков убеждается в своем ОКОНЧАТЕЛЬНОМ поражении. Таким, после которого ничего нет и быть не может. Вот это – да, можно считать полноценным убийством. Это, конечно, не для всех, а только для особых людей. После этого оставшуюся человеческую ветошь можно стрелять, не испытывая сомнений. Вы сейчас не поймете, поэтому просто запомните.

По какой-то причине фон Браун только сейчас первый раз встретился с Иваном Серовым взглядом. И вздрогнул. Через зрачки знатного чекиста на него глянул ад. Его собеседник мог считаться человеком только с виду. Это было чудовище. До сих пор он только раз в жизни встречался с подобным взглядом, но Рейнгард Гейдрих был с ним, можно сказать, в приятельских отношениях. А собеседник его повторил.

– Просто запомните.

– ... В данных обстоятельствах я не могу не высказать свою позицию коммуниста, патриота и просто русского человека: какое-либо проявление гуманизма к фашистским нелюдям я считаю и неуместным и, прямо скажу, – недопустимым. Нет такой жестокости, такого зверства, такого преступления, перед которым фашисты остановились бы на нашей земле! Мало ведения войны самыми бесчеловечными методами, мало беззастенчивого грабежа, имели место факты злодеяний совершенно бессмысленных, взорвать, чтобы взорвать, убить, чтобы убить. Половину Ленинграда уморили голодом! В-всех бы их, под корень! А мы – предупреждать их будем! Кого обмануть-то хотим?

Сталин бесшумно ходил за его спиной, чуть ссутулившись, и никак не показывал своего отношения к эмоциональной речи товарища Жданова. Пауза затягивалась, и смущенный оратор замолчал, как будто бы у него иссяк завод.

– Посмотрите, товарищ Жданов, – начал вождь непривычно мягким тоном, который свидетельствовал о хорошем расположении духа у вождя, – вот тут присутствуют военные товарищи, которые просто по должности нэ могут проявлять излишнего гуманизма. Ни, к сожалению, к подчиненным, ни, тем более, к врагу. И ни один из них нэ возражает. Как вы думаете, – пачему? Ладно товарищ Абакумов, признанный гуманист, и, тем более, товарищ

Берия, известный своей добротой и вообще человек штатский. Пожалуй, еще у Бориса Михайловича – дореволюционное воспитание, предполагающее... некоторый гуманизм. Но вот тут находятся командующие фронтами, беречь личный состав всеми способами – их прямая служебная обязанность. И они не протестуют. Я не буду напоминать вам, что мы не фашисты, а наоборот, с фашистами воюем. Я только спрошу: как вы думаете, куда двинутся полтора миллиона берлинских обывателей, получив наше послание? На восток? Или все-таки на запад? Туда, откуда они только и могут перебросить резервы? – Он остановился, подняв глаза на членов ГКО и привлеченных на заседание лиц. – Я думаю, что выражу общее мнение: отпечатанные листовки на Берлин надо сбросить. Назначить ответственного за исполнение. Я подпишу. Второй этап операции – через ночь после первого.

На протяжении полутора месяцев Берлин не бомбили, почитай, вовсе. Аэродромы, – да, другое дело, разведывались и атаквались с особым старанием. В действиях пилотов была отчетливо заметна этакая комбинация бульдожьего упорства и неотступной мстительности вендетты, чтобы, значит, до конца, под корень и без шансов. В комбинации с воздушными боями и свободной охотой, такого рода последовательность вообще свела активность люфтваффе в столичном округе практически к нулю. А сам город – нет. Разве что чисто для проформы, чтобы не насторожились. Приказ о сбросе миллионов листовок с предупреждением «Жителям Берлина и солдатам Германской армии» в строевых частях ВВС был воспринят с тихим, но единодушным неодобрением: полет и риск настоящие, как с нормальными бомбами, а толку? Вовсе не берегут нашего брата.

Нет, исход из города начался раньше, когда на востоке начало едва слышно, но настойчиво погромыхивать. Листовки только ускорили и многократно усилили этот процесс. В общем, перестала в полной мере действовать и традиционная законопослушность немцев. Минувя все кордоны, тысячами тонких струек вытекало из города его население. Не только старики и маленькие дети, иждивенцы, бесполезный балласт в эти беспощадные времена. Но и те, кто мог бы строить баррикады, тушить пожары, восстанавливать связь и проводку, разбирать завалы и снабжать войска, – да и просто путаться в ногах у наступающих. Без кого от города останется только пустая оболочка, не способная стоять против врага, сколько бы войск его ни обороняло. Впрочем, люди загадочные существа, и большая часть обывателей осталась на месте, даже не пытаясь объяснить себе причины своего бездействия. Ощущение дома, как надежного убежища, – посильнее будет, чем какие-то там доводы разума. Бывает иное, и тогда люди бегут, бросая все, так же безотчетно, как еще вчера цеплялись за родной очаг. В данном случае до этого не дошло. Поэтому первый этап операции не достиг в полной мере поставленных целей. Ни в военном аспекте, ни в гуманитарном.

Первый эшелон состоял из ста двадцати шести самолетов. Шесть групп «Ил – 20», лидируемых шестью «Ту – 10Т». Практически все, что смогли собрать со всех фронтов. «Ил» -ы, на коротком плече, несли по два полутонных спецбоеприпаса со значительным перегрузом. Лидеры, помимо этого, были загружены зажигательными бомбами. До нормального груза. Взрывы спецбомб, угодивших во двор или между домами, сметали близлежащие строения, вынося окна, двери, сметая кровлю тех, что были поодаль. В городских условиях смесь нередко получалась перебогатенной, и тогда руины пылали, как свечи. Сильнее всего от действий первого эшелона пострадала зенитная артиллерия. Она, собственно говоря, и была основной целью этой группы. По техническим условиям применения боеприпасов, первый эшелон был вынужден держать строго определенную и очень опасную высоту, поэтому единственной защитой его машин была высокая скорость и малая заметность для радаров. Прежде чем угаснуть, зенитный огонь сбил восемь машин и около двадцати вернулись с серьезными повреждениями. Две потерпели катастрофу при посадке. Результатом стало полное разрушение прибли-

зительно пяти квадратных километров городской застройки. Еще примерно в три раза больше оказалось охвачено сплошными пожарами. Несмотря на масштаб, удар наносился с предельно возможной точностью, чтобы пожары могли служить ориентиром для следующих волн.

Второй эшелон, все восемьдесят два «Ту – 6» и сорок «Ту – 10» с умеренным перегрузом, с большой высоты вывалил на город тысячу четыреста тонн фугасных бомб по сто килограммов и по четверти тонны. Бомбардировка велась по площадям, при этом старались не обидеть ни один район с плотной застройкой.

Последний отряд состоял из девятисто двух «Ту – 10» последних серий и нес полторы тысячи тонн небольших напалмовых бомб, – это в основном, – и некоторое количество контейнеров с маленькими круглыми бомбами в прочном стальном корпусе, содержавшем стеклянную шрапнель. Теми самими, которые взрывались, когда хотели, в срок от получаса и до полутора суток.

К этому времени «Ту – 10Т», для которых сделанный рейс вообще не был расписанием, уже закладывали круги над фронтовыми аэродромами, готовясь принять под свое крыло неисчислимые стаи тактических бомбардировщиков. Те поднимались с по-хамски освещенных, забитых самолетами аэродромов, и поочередно формировали строй звеньев, эскадрилий, сводных полков. Каждому «Ту» предстояло лидировать по 324 фронтовых бомбардировщика. Средняя бомбовая нагрузка машин, с учетом их разнотипности, составляла примерно полторы тонны.

Масштаб играет роль, и количество-таки переходит в качество: мало того, что колоссальное количество пожаров занялось на огромной площади практически одновременно. Впервые за всю войну снабжение электроэнергией прекратилось сразу и везде, так, что не работали насосные станции, даже те, которые остались целы после налета, и поэтому воды не было. Большая часть пожарных расчетов погибла во время повторных налетов, и огонь тушить оказалось и некому, и нечем. Сорванные крыши и выбитые окна обеспечили огню превосходную тягу, так, что пожар загудел и заревел, как в исполинской доменной печи, потянул на себя свежий ночной воздух и скоро разогнал его до скорости и свирепости урагана, и тот ураган нес целые стены огня. В разных районах громадного города одновременно встали и побрели, пустились в плавный перепляс огненные смерчи, от их прикосновения дома разлетались, как под ударом молота, вспыхивали, как скирды сухой соломы. Зарево, занявшее половину ночного небосклона, было видно за многие десятки километров, а в окрестностях города дергающийся, пляшущий, беспокойный свет временами почти не уступал дневному яркостью.

По плану, утром предполагалось продолжить массированные воздушные удары силами фронтовой авиации, – откровенно говоря, ее возможности ку-уда превосходили мощь нарождающейся стратегической авиации, но из этой затеи практически ничего не вышло. Город казался затянут пеленой дыма сплошь, скрыт под черной тучей, подсвеченной снизу багровым, само небо стало черным, и лететь туда казалось и слишком рискованным и не слишком нужным. Кроме того, как это бывает не так уж редко, будто в ответ на пожар, погода сломалась, с прохладным ветром налетели низкие, темно-серые тучи. Около десяти утра над городом разразилась поздняя гроза и пролился сильнейший ливень, шесть часов спустя сменившийся упорным, ровным дождем, а потом – изморосью и туманом. Пожалуй, командование проявило и здравый смысл, и надлежащую гибкость, отложив повторные воздушные удары на потом.

– Пламя стало нашим небом, и это вовсе не поэтическое сравнение. Я видел, как с вершины какого-то очень высокого здания ураганом сорвало целый фрагмент стены с оконными проемами, и во время падения он был как черное кружево на фоне огненного неба. Какое здание, спросите вы, я должен знать, потому что я коренной берлинец? Не знаю, отвечу вам я. Там ничего нельзя узнать, там нечего узнавать, потому что города, который знал я, который знали берлинцы, больше нет. Нет ничего узнаваемого и никто не скажет, где он. Я видел, как по улице

валила толпа обезумевших, забывших самих себя людей, они толкали друг друга, валили с ног и топтали слабых. Потом порыв ветра с ТОЙ СТОРОНЫ вогнал в улицу целую реку гудящего пламени. Неподалеку от конца оно было синеватым, призрачным. Оно не коснулось толпы, а только на миг простерлось над людьми, и убралось обратно, но все, кто были там, кружась и качаясь, полегли на месте, попадали, будто кто-то единым взмахом скосил их, и никто не поднялся. Я видел, как от жара трупы в этих кучах корчились и лезли друг на друга, с какой-то чудовищной, гротескной непристойностью переплетались, вздувались и вспыхивали, как набитые соломой куклы. Что это было? За что нас так? За что так с нами? Тем, кто остался жив в подземельях, больше некуда подниматься, а та вода, которая вдруг заступила место огня, заливают и подземелья.

За что – за что... А чем вам, сволочи, к примеру, помешал ровно год тому назад красивый город Сталинград?

– По данным разведки, тем, которые удалось получить, конечно, в Берлине осталось не более десяти процентов довоенного населения. Это значит, что город мертв. Мертв и непригоден для жизни. А восстановительных работ русские постараются не допустить. Боюсь, у них это получится. Вот вам и ответ, Уинстон.

– Я не верю, – прохрипел премьер-министр, – что это совпадение.

– И это что-то меняет? Случайно или намеренно, нам продемонстрировали, что их бомбардировщики могут уничтожить любую европейскую столицу за один налет. Год тому назад, – всего только год, – у них вообще не было ничего, напоминающего стратегическую авиацию. Не могу исключить, что теперь они займутся этим вопросом вплотную.

– А что заставляет вас думать, что она у них есть сейчас?

– Ничего, кроме доверия к людям, призванным снабжать информацией Президента США.

– По имеющимся сведениям, у них довольно много фронтовых бомбардировщиков с ограниченным радиусом действия. Мне называли вообще какие-то совершенно баснословные цифры...

– Вас не обманули. Но в данном случае работали тяжелые и сверхтяжелые бомбардировщики, господин премьер-министр. Около четырехсот высотных машин с неизвестным в точности, но очень большим радиусом действия. Похоже, правда, это все, что у них есть.

– Все-таки – откуда такие сведения?

– С некоторых пор, а точнее, – когда я почувствовал, что не все понимаю в событиях на Восточном фронте, я научился задавать точные вопросы. Может быть, задал не все, которые на самом деле необходимы.

– Саша, я прошу вас, – давайте-таки не будем морить их голодом. Давайте уже кормить этих поцев. Давайте нарядим их в роскошные желтые клифты, и пусть-таки работают так, чтобы не шататься и не спать на ходу.

Услыхав слова Саблера, Берович вдруг принял вид отрешенно-рассеянный и начал крутить в пальцах карандаш. Для тех, кто хорошо знал его, это служило несомненным признаком Пришествия Идеи. Организационные идеи, посещавшие Беровича, чаще всего были не Бог весть какими оригинальными. Да что там, для людей с систематическим образованием, они и вообще по большей части были общим местом. Принципиальным отличием была детализация и особая манера реализации, так что даже самые банальные его размышлизмы имели, порой, самые далеко идущие последствия.

– Саша, вы совершенно меня не слушаете, – совершенно тем же тоном продолжил Саблер, – очевидно, ваша мама не учила вас в вашем же детстве, что крутить карандаши в руках –

дурная привычка. Тем более, что это хороший чешский карандаш «Кох-и-нор», теперь таких не найдешь ни за какие деньги.

С этими словами Яков Израилевич попытался своими мягкими, как вареные сосиски, белыми пальцами вынуть из рук у собеседника злосчастный карандаш, но не тут-то было.

– А!?

Машинально уводя игрушку в сторону от посягательств, Берович слишком сильно ее сжал. Раздался тихий треск, и он опомнился, с изумлением глядя на расщепившуюся деревяшку и переломанный в трех местах грифель. Будучи, в общем, далеко не силачом, пальцами Саня, перенянчивший в руках за свою короткую жизнь сотни тонн Холодного Железа и прочих металлов, мог запросто скрутить умеренно заржавевшую гайку или вытащить торчащий из доски гвоздь – «сотку».

– Я говорил вам, – проворчал Саблер, забирая-таки остатки карандаша из его рук, – и уже дайте сюда, попробую заточить, а то вы поленились...

– Дядя Яша. А с чего бы это вдруг такая забота? Вы же как раз не христианин...

– Да, слава Богу. – Кивнул головой Саблер. – Таки ничего подобного.

– ... чтобы возлюбить врагов своих. Так в чем дело?

– Ты совершенно прав. И я люблю их так же, как любил бы флюс под тем мостом, который сам Ефим Соломонович Гирш поставил мне в двадцать втором, а он все как новенький. Пусть бы все они полопались, как тухлые сосиски, со всей своей родней, я и тогда жалел бы их не больше минуты, да и то для виду, потому что таки- приличный человек. Но вот Володя посчитал, что кормить выгоднее. Я не поверил, Саша! Я начал проверять, придираясь к каждой мелочи, как ревизор Семен Короткин*. Но этот байстрюк, кажется, вообще не умеет ошибаться...

– Я скажу больше, Яков Израилевич. Мы будем платить им зарплату. Понятно, – сдельно и из расчета двух третей от того, что платим своим, но и без обману.

– Саша, – осторожно, после паузы, спросил старый провизор, беря его за руку, – а это будет не слишком, а? Не может так случиться, что нас неправильно поймут те, у кого это профессия?

– В самый раз, если я правильно понимаю немцев.

– Тогда уж и сберкассу.

– Это само собой. И о товаре позаботиться, чтоб могли потратить на кое-какие мелочи.

– А не забалуют?

– А – в БУР. – Вдруг зло ощерился Саня. – А тех, кто будет мутить, – стрелять либо вешать. Скоро и без сомнений. Но! Никаких зуботычин. Никакого издевательства. Будничный, деловитый стиль. Предельное равнодушие и бездушная справедливость. Люди боятся, когда вешают равнодушно, без злобы и по вполне понятным правилам, а поэтому слушаются. Я сам поговорю с начальником лагеря, и объясню, что требуется. У нас с ним хорошее взаимопонимание.

– Донесет...

– Нет. Доложит по форме. А я приложу свое письмо.

*Реальная личность, ставшая легендой. Ужас довоенных казнокрадов и торгашей. Функционировал, по преимуществу, в Челябинской и Свердловской областях, но привлекался и по всему СССР. Дьявольская интуиция на шахеры, помноженная на сверхъестественные способности к счету, при абсолютной неподкупности. Прожженный и непобедимый картежник.

– Ты его поправил?

– Нет. Обругал только. Прости, – нехорошими словами. Нервы.

У товарища Берия было еще более своеобразное чувство юмора, чем у его непосредственного начальника, только на иную стать. Шутовство – тонкое искусство и опасное ремесло. По отношению к валянию дурака с товарищем Сталиным утверждение это справедливо в квад-

рате. В кубе. Услышав в ответе Лаврентия Павловича знакомые нотки, Сталин раздраженно поднял голову, но, мельком взглянув в его совершенно бараньи, бессмысленные, – и как только он это делает, ей-богу! – глаза Лаврентия, поспешил отвернуться. Чтоб тот не заметил невольной его ухмылки.

– Когда говорил одно из нехороших слов, вдруг понял: не надо поправлять. Надо попробовать. Я так думаю, – немцы пригодиться могут. И сейчас, и на будущее. Тут скоро пора пахать и сеять – как раз на Кубани и на левобережной Украине.

Вопрос был, помимо всего прочего, политический: не следовало слишком сильно зависеть от союзников в такой чувствительной сфере, как продовольствие. Разговоры эти состоялись как раз в феврале-марте, когда поступили первые, не слишком пока многочисленные, партии пленных из-под Сталинграда, Ржева, Вязьмы и Смоленска. Так что и вспахали, и засеяли, и убрали неожиданно приличный урожай. И расстреляли при этом вовсе не так уж много особо идейных и принципиальных, либо же вовсе тупых или сломавшихся, превратившихся в ни на что не годную человеческую ветошь: тысячи полторы-две, не больше. Вообще порядок, работа, зарплата, кормежка по расписанию, а также пусть жестокая, но справедливость на немцев оказывали поистине магическое воздействие. Многие к тому же понимали: далеко не факт, что они все это будут иметь дома, в дотла разоренной стране. Систему эту внедряли, испытывали и совершенствовали совершенно последовательно и сознательно: в некоторых местах вводились элементы самоуправления, так, что немцами, – в известных пределах, конечно, – управляли немцы. В других им позволяли строить себе жилье по вкусу. Заводить подсобное хозяйство на предмет приварка. По обмену и обобщению опыта начальники лагерей собирались на особые семинары и делились-таки этим опытом, а для консультации привлекали своих немцев и антифашистов из самой Германии. К Ялте система развилась и усовершенствовалась настолько, что смогла переварить уже сотни тысяч, готовясь проделать то же с миллионами людей.

Офицер явно успел, – мягко говоря, – привести себя в порядок к моменту аудиенции. Идеально причесан и явно только что от парикмахера. Каким образом он умудрился сохранить такие, – из британских британские, – усы, учитывая характер задания было, на взгляд хозяина кабинета, совершенно непостижимо. От разведчика неназойливо пахло дорогим одеколоном, а для того, чтобы ТАК научиться носить форму, одного-двух поколений было, разумеется, совершенно недостаточно. Да что там: он был просто и откровенно красив. Такая совершенная, какая-то по-особому интеллигентная красота встречается только среди представителей древних знатных родов Англии и Уэльса. Именно от этого человека он ждал не сухой сводки, написанной военно-канцелярским языком, а непосредственных впечатлений умного, храброго и испытанного человека. Как всегда и везде, повелители совершенно не склонны задумываться, какой именно ценой оплачиваются их мимолетные желания. Вроде нынешнего желания уточнить некоторые легкие нюансы, теряющиеся в стандартных донесениях разведки.

– Если откровенно, то нас послали на убой, сэр. Я не в претензии, не подумайте. Те, кто послали...

– В конечном счете, это был я. Но продолжайте.

– Да, сэр... Пославшие нас не знали, на ЧТО посылают. Я никогда прежде не получал такого простого и такого неопределенного задания: побывать под атакой русских. Официально это звучало, как: «Объективно оценить наступательные возможности русских союзников». Вы знаете, сэр, нас трудно было отличить от немецких солдат, а те наци, которые приняли нас, совершенно честно выполнили договор. Позаботились о том, чтобы сделать нас окончательно неотличимыми. Чтобы их фронтовики ничего не смогли бы даже заподозрить. Постарались устроить так, чтобы мы все видели своими глазами, получили полное впечатление, и, в то же время, остались живы... Надо заметить, очень непростая и неблагодарная задача, сэр. Воз-

можно, она даже неразрешима. Но до этого, как вы знаете, нужно было добраться до переднего края. Я должен был добираться самым длительным путем, из северной Франции. У остальных моих товарищей были... другие маршруты. Это являлось частью задания...

Над узловыми станциями в Германии, Бельгии, да и в восточной Франции на огромной высоте и несколько поодаль широкими кругами ходили «Ту – 10Р». Двадцать четыре человека экипажа, шестнадцать крупнокалиберных пулеметов, оптика и *три* радара на последних модификациях: основной и два вспомогательных. 1-го августа «БН – 11» над восточной Францией подвергся атаке экспериментального «Ме – 262»*, пилотируемого капитаном Эйлером, на высоте 13400 метров. Реактивный самолет был обнаружен оператором, гвардии лейтенантом Г. И. Рачковым на экране вспомогательного радара, и экипаж предпринял срочные меры по отражению атаки. В ходе боя в фюзеляж «Ту – 10Р» с задней полусферы попало два двадцатимиллиметровых снаряда, вызвавших разгерметизацию корпуса, что, в свою очередь, повлекло за собой преждевременное прекращение задания. «Мессершмитт» получил в переднюю часть корпуса и кабину некоторое, по понятным причинам оставшееся неизвестным, количество пуль калибра 12,7, в результате чего вспыхнул, взорвался и сгорел. Пилот кабины самолета не покидал.

Гитлер ненавидел высотные тяжелые разведчики «Ту» особой ненавистью, необычной даже для его неуравновешенной натуры. Казалось, они были его личными врагами, вроде Чаплина, Рузвельта или, к примеру, Евгения Савицкого, удостоенного этого высокого звания после событий 25 – 26 апреля. Но ничего радикального в борьбе с этим страшным оружием, разрушавшим любые замыслы ОКВ, так и не было создано до самого конца войны. Зенитная артиллерия показала свою полную неэффективность, серийные машины – не доставали, а всякая летающая экзотика... Ну – несерьезно это было, и все! С одиночными высотными истребителями, не больно-то хорошо чувствующими себя на такой высоте, разведчик, в общем, справлялся. Так что сведения о состоянии дел на узловых станциях Рейха поступали самые подробные и вполне надежные. Тяжелые Разведчики не всегда были безоружными: никогда нельзя было предсказать, когда он, будучи поодаль, снизится до трех с половиной километров, выровняет полет в струнку, и прицельно влепит в станцию две полуторатонных КАБ в специсполнении. Жертвы в таких случаях исчислялись многими сотнями по меньшей мере, а восстанавливать нормальное движение приходилось сутки.

Но главное, разумеется, состояло в том, что эшелоны – встречали. Реактивные «лавочки» с отогнутыми назад, как у ласточки, крыльями, проходили вдоль состава сзади-наперед, укладывая в него боезапас бронебойно-зажигательных, дырявя паровоз и сжигая вагоны. На большем расстоянии от передовой, с большим эффектом но и с большей степенью риска для себя действовали «Ил – 2» последних серий и пикировщики. Эффективность реактивных «Ил – 20» против этого класса целей оказалась удручающе низкой.

*Знаю, что в ТР нечто подобное состоялось на год позже. Просто мало сомневаюсь в том, что, узнав об успехах реактивной авиации СССР, немцы до предела форсировали бы аналогичные работы у себя. А они узнали бы. И добились бы определенных успехов. У нас был самый страшный враг, которого себе только можно представить.

– Видите ли, сэр, обочины железных дорог в центральной Европе представляют собой одно гигантское кладбище подвижного состава. Локомотивы, изуродованные до неузнаваемости. Остатки вагонов, сожженных буквально дотла. Все мало-мальски крупные станции представляют из себя почти нацело стертые с лица земли руины станционных построек и сооружений, опять-таки перемешанные с неопознаваемыми остатками поездов. Только немцы способны в подобных условиях как-то поддерживать движение. Беззаботные такие ребята,

почти все время смеются. Нам дважды приходилось выскакивать из вагонов и искать спасения... в стороне от полотна. За шесть часов. Затем меняли паровоз, растаскивали вагоны, уносили в сторонку два-три десятка тел, и все начиналось сначала.

В конце концов нам пришлось добираться по шоссе, поскольку время поджимало. Это оказалось ненамного легче. На восток движутся спешно снимаемые из Франции, Италии, Бельгии войска, а им навстречу, на запад, бредут нескончаемые толпы беженцев. Похоже на то, что население дико, до безумия боится русских. Дело, как мне кажется, не только в пропаганде, а еще в том, что они в глубине души понимают, что натворили и теперь ждут, что им отплатят той же монетой. Поэтому попытки расчистить шоссе сталкиваются с разнообразными проблемами. Чем дальше, тем больше, сэр. Откровенно говоря, последнее время почти постоянно.

– Какого рода проблемы?

– Двоякого. То беженцы отказываются подчиниться командирам линейных частей... Вплоть до попыток броситься под гусеницы танков. Вместе с детьми, сэр. То солдаты отказываются стрелять по толпе и давить ее этими самыми гусеницами. Даже разгонять штыками. Я не упомянул о постоянных бомбежках с воздуха, они просто сами собой разумеются. Иногда – довольно массированные штурмовки и бомбовые удары, иногда – внезапно возникающие на низкой высоте звенья или даже одиночные самолеты. Видите ли, вне зависимости от их количества приходится... рассредотачиваться и залегать. А потом сбрасывать в кювет горящие машины, убирать трупы, помогать раненым. Поэтому основные марши, разумеется, происходят по ночам. Там – свои трудности, и летом ночного времени категорически не хватает. Но мы все-таки добрались до передовой, в отличие от многих и многих маршевых частей. Я выполнил задание, сэр. Наши части оказались как раз на направлении главного удара Второго Белорусского фронта, и попали под прямой удар Рокоссовского. Последнее время наци, ожидая атаки, оставляют передовую позицию практически пустой, сосредоточив основные силы на второй линии. Русские теперь собирают столько артиллерии, что в противном случае при обстреле первой линии там будут убиты *все*. Предполагается, что при этом русские будут даром тратить боеприпасы, а джерри удастся уцелеть.

– Звучит, по крайней мере, очень неглупо.

Черчилль с удивлением увидел, что лейтенант, доселе соблюдавший традиционную невозмутимость, в раздражении махнул рукой.

– Полагаю, остроумие подобных выдумок находится где-то на уровне старых деревенских анекдотов, сэр. Когда мало-мальски искушенный слушатель смеется не над рассказом, а над рассказчиком. Потому что, так или иначе, первая линия оказывается пустой и плохо защищенной, и русские, имея определенный навык, попросту занимают ее. Такого рода хитрости – оружие слабых, оно не может быть таким уж эффективным, сэр. Несколько мешает, но ничего не решает, и все сводится к еще нескольким сотням метров, отданным без боя. Дело в том, что я настоял на своем пребывании в передовой линии укреплений. Этот их Килвински честно меня отговаривал...

Еще где-то двое суток тому назад среди бойцов на передовой впервые прозвучали слова: «Серая Нечисть». Когда обстановка на фронте далека от благоприятной, слухи среди фронтовиков носят характер летучей вирусной инфекции. Те, кто не знали значения термина, по молодости или по причине того, что до сих пор служили в тех краях, где ни о чем подобном не говорили и не слыхивали, – спрашивали, и ветераны с удовольствием делились с желторотиками жуткими подробностями, – все, как обычно. Вот только беда была в том, что сами старослужащие, услышав про «Серую Нечисть» или «Серую Свору», пугались еще больше, Адриан Уоллес видел, как у них буквально мертвели лица. Он обратился с тем же «новичковым» вопросом к опекавшему его Килвински, но тот вовсе не спешил ответить.

– Не знаю точно, Фихте, – ответил он после паузы, – слишком редко бывал на Восточном фронте. Говорят, что какие-то части сплошь из малолетних преступников. Ничего, якобы, не боятся и страшно жестоки. Утверждают также, будто их появление – верный знак скорого начала горячих событий, и что в полосе их удара не выживают... По-моему обычные легенды о непобедимых войсках. Сколько я их слышал, сколько видел, и могу сказать одно: все смертны, если как следует прицелиться.

– Не, – степенно покачал головой Серенька, – я никаким летчиком не буду. Я на 63-й завод пойду. Сначала рабочим, потом – техником. А потом в инженеры выйду. Не, точно. Чемеешься-то? Вот ка-ак дам сейчас!

– Ладно тебе, – вздохнула Дарья Степановна, – пошли уже.

– Мам Даш, – солидным басом пророкотал Кольша, – а хошь я «теремок» понесу, ага?

Надо сказать, он сильно изменился за лето, вырос, раздался в плечах, и стал как-то плотнее. Он уже сейчас был не на шутку силен, обещая вырасти в мужчину выдающейся мощи, и сейчас постоянно норовил новенькую силушку свою того, – почесать, как подросток щенок чешет новенькие, острые зубы. Но насчет «теремка» он все-таки погорячился: «катушка» весила сто четыре кило, и с этим фактом ничего нельзя было поделывать. Серенька тоже несколько подрос, но остался почти таким же тощим, как прежде. Жилистый, выносливый – да, но в смысле силенок только что неслабый. Так что насчет «как дам» было куда как проблематично. Зарезать – другое дело, тут Кольша и ахнуть бы не успел, вот только ни тому, ни другому это не пришлось бы и в голову.

– Надорвешься, – певуче ответила Мама Даша, – вместях снесем. Вприскокочку.

– Должен доложить, что редко чувствовал себя столь неудобно. Впереди враг, от которого нельзя ждать пощады. В прямом смысле нельзя. Жуткие слухи и собственный опыт, когда знаешь, как русские любят и умеют шарить по передовым позициям. Как проводят так называемую «разведку боем», – по сути это действия штурмовых групп, сэр, – после которой на переднем крае живых может и не остаться. Раньше такая разведка хотя бы обозначала скорое начало наступления и позволяла подготовиться. Теперь она не обозначает НИЧЕГО. Ничего, кроме потери передовой траншеи, сэр. В траншее рядом только считанное число таких же бедолаг, причем ближайшего может быть и не видно. Сознание, что тут тебя оставили на верную смерть. Ночью все это сильно способствует бдительности и не дает уснуть, но и сильно выматывает. Так, что начинает мерещиться всякое. На месте немецких солдат я отнесся бы к этой выдумке с крайним неодобрением. Напряженность внимания не носит постоянного характера, сэр. Оно имеет приливы и отливы. И в какой-то момент выясняется, что Серая Нечисть никакой не миф, что она уже тут.

Два человека бесшумно возились с чем-то приземистым и темным, третий стоял, опустившись на одно колено, держа оружие наготове и обводя окрестности напряженным взглядом. Шея его поворачивалась влево и вправо равномерно и плавно. Адриан видел все это, но не мог ни пошевелиться, ни крикнуть, словно парализованный: вот только что, сию минуту, вот-вот, никого не было, а потом он увидел их так, будто они все время находились тут, и это он вдруг прозрел. Внезапно вся троица исчезла, словно нырнув во мрак и оставив темный предмет, а перенапряженному слуху удавалось уловить только едва слышный шорох. Адриан собирался крикнуть, но только едва слышно, как мышшь, пискнул пересохшим горлом. **Ф-ФУ-УХ-Х!!!** Оглушительный звук, помесь громового шипения с ревом и визгом, ударил по слуху, ослепительное рыже-фиолетовое пламя на миг лишило зрения, разматывая за собой пронзительный, режущий визг, понеслось вдоль траншеи, а потом взметнулось широкое, насколько видит взгляд, полотнище пламени и ударило ТАК, что разведчик почувствовал только, как его

приподняло и грубо встряхнуло. Настолько, что он перестал чувствовать. Когда сознание, спустя недолгое время, вернулось к нему, вокруг оказалось довольно много народу. Люди в куртках блеклого цвета с капюшонами поверх матовых касок не жгли огня, переговаривались вполголоса, но двигались вполне уверенно и целеустремленно, как хозяева. И никто не обращал ни малейшего внимания на неподвижного, присыпанного землицей Адриана Нэвилла Уоллеса, этой августовской ночью ряженного под гренадера вермахта.

– Взрывом края траншеи осыпало так, что местами она стала совсем мелкой. Неподалеку, прикрывшись плащом, кто-то из командиров связывался с начальством по полевому телефону. Они успели прихватить с собой провод, и теперь докладывали что-то вроде того, что все в порядке, потери незначительные, врага в траншее больше нет, и чтобы готовили работу артиллерии по батареям врага, когда те обнаружат себя.

– Вы знаете русский?

– Хуже немецкого, но, полагаю, что вполне приемлемо, сэр.

– Немцы, – они действительно обстреляли позицию?

– Некоторое, не слишком большое количество мин. Открывать артиллерийский огонь было бы самоубийством. Сделать это значило бы пойти на поводу у русских.

– Продолжайте, лейтенант. Как вы спаслись?

– Я постепенно уполз, укатился и ушел. Мне трудно объяснить, но я постоянно напоминал себе, что вовсе посторонний здесь, что это – не моя война, я – не враг всем этим русским, и вообще вне всего этого. Это все чистая правда, и поэтому, пропитавшись этим, обретаешь невидимость, сэр. Если поймать волну, то можно пройти мимо самой бдительной охраны, и она не обратит на вас никакого внимания. Уцелеть в любой бойне. Даже пройти мимо злобного пса. Понимаете, сэр?

Черчилль – кивнул в знак того, что понимает, о чем речь. Не только крупной головой, но и как-то всей верхней половиной туловища.

– Это звучит, как рассказ о колдовстве, но опытные люди знают, что подобное действительно существует. К сожалению, слишком ненадежно и далеко не всегда выходит, но все-таки существует. Но этот опыт как раз и позволяет мне утверждать, что трюк с пустой передовой позицией почти бесполезен. Я бы назвал его несколько усложненным ритуалом самоубийства. К счастью, мне удалось вернуться к основным силам, что было вовсе не таким уж само собой разумеющимся делом. Дело в том, что сейчас джерри в высшей степени склонны стрелять во все, что шевелится. Сперва стрелять, и уж потом спрашивать, сэр. Но все обошлось благополучно и, к счастью, Килвински был на месте. Они все слышали шум на переднем крае и разобрались в ситуации так, как будто бы воочию видели все произошедшее. Поэтому на меня смотрели, как на выходца с того света. Жадно расспрашивали про Серую Нечисть, но что такого существенного я мог бы рассказать им? Почти ничего. Почему-то ощущение, как от негромких, но деловитых и шустрых крыс, но об этом я, разумеется, ничего не сказал. Адольф... Имя Килвински, тоже Адольф, сэр, так вот он помолчав, тихо сказал мне, что пристроит к наблюдателям, несколько в стороне от основных позиций. «На переднем крае ты не увидишь, можно сказать, ничего, даже если произойдет чудо и ты вновь уцелеешь. Если ты остался жив на первой полосе, значит, ты должен сделать еще что-то. Для всех нас, Фихте. Расскажи ТАМ все, что увидишь здесь. Подробно расскажи, чтобы поняли. Нет, чтобы прямо-таки до требухи прониклись, что здесь и что это такое...»

– Я полагаю, нет никакой особой необходимости так подробно цитировать этого почтенного джентльмена из абвера.

– Простите, сэр.

– Никаких претензий, лейтенант. Вы, как и приказано, рассказываете о том, что произвело на вас особое впечатление, я – останавливаю, желая услышать интересующие подробности или же избавиться от излишних. Атака – последовала?

– Да, сэр. В настоящий момент, находясь на стороне немцев и при сложившемся соотношении сил на переднем крае выжить нельзя.

– Не слишком ли сильно сказано? Вы, как я вижу, выжили...

– Да, сэр. День и ночь, круглые сутки над головой кружат тяжелые четырехмоторные машины. Это очень крупные аэропланы, не меньше «Либерейтора», но полет их проходит на такой высоте, что рассмотреть можно только в достаточно мощный бинокль. Небо расчерчено белыми следами. Они видят, фотографируют и записывают все. Каким-то образом наблюдение ведется и ночью, и ночные бомбардировки прибывающих резервов вовсе не редкость. С очень неплохой точностью, сэр, равно как и ночные артобстрелы. Каждая батарея, каждый танк, каждый грузовик... расчеты все время ощущают себя как бы под прицелом снайпера, и это не так уж далеко от истины. В прифронтовой полосе русские зажигательными бомбами выжигают все леса, все рощи, все мало-мальски заметные заросли кустарников, чтобы у германских войск не было укрытия. В воздухе все время стоит дымная мгла и пахнет гарью. Германия превращается в пустыню, сэр. Солдаты говорят, что несколько раз в день, иногда несколько десятков раз происходит обстрел отдельных целей. Просто прилетает пятнадцать-двадцать крупнокалиберных снарядов или серия из многоствольной реактивной установки, и уничтожает батарею, мастерскую, укрытие для техники, заваливает выход из бункера или подземного... убежища. По сути – ямы, перекрытой сверху и засыпанной землей. Это, наряду с бомбардировками по отдельным целям, не прекращается окончательно никогда, но считается на Восточном фронте передышкой. Каждый день без больших боев на одном только участке фронта гибнет около тысячи человек, но это и впрямь передышка. Килвински сказал мне, что война эта меняет свой облик каждый месяц. Вот проходит месяц – и это уже совсем другая война, а та, месячной давности, вспоминается с умилением.

Наступает день, все идет, как обычно, а потом вдруг все смолкает. Ни одного выстрела, ни одного взрыва. У солдат белые лица и такие глаза, как будто они уже умерли. Тихо, а потом едва слышно возникает далекий, мягкий гул. Это идут груженные «минской смесью» тяжелые бомбардировщики, сравнительно немного, они и вылетают издалека, и идут к разведанным целям небыстро. Колоссальные стаи фронтовых бомбардировщиков присоединяются позже, еще позже поднимаются, занимают свое место над строем тяжелых машин, начинают качать свой извечный маятник истребители. Кроме далекого, становящегося все более громким гула, ничего не слышно, а потом тяжело вздрагивает земля. По ней звук распространяется куда быстрее, чем по воздуху, и обгоняет снаряды. Те, кто затеяли это, норовят, чтобы и бомбы, и РС, и основная масса артиллерийского железа от первого залпа обрушилась на разведанные позиции врага одновременно: считается, что таким образом эффект больше, нету места, где можно было бы спрятаться на время. Добиться такого рода совершенства не удавалось ни разу, но адресат никогда не жаловался. К примеру, на территории, где «минскую смесь» применяли в соответствии с так называемой «Таблицей №1» войска противника оказывались уничтожены.

Это не значит, что всех убивало, нет. Так не бывает, есть люди, пережившие Хиросиму в трехстах метрах от эпицентра и прожившие потом более полувека. Смерть, увечье, тяжелая контузия, психоз или прострация, когда человек сидит, ни на что не реагируя, способный только к пассивному подчинению, просто полная деморализованность, так или иначе, – войска не было. Не оставалось способных к сопротивлению. Но согласно 1-й таблице действовали относительно редко. Только против особо укрепленных пунктов позиции. Вот в Кенигсберге, к примеру, довольно часто. А против полевых укреплений значительно реже. По большей части

хватало и «Таблицы №2». Вокруг, доставая, кажется, до неба, с грохотом встала стена пламени...

– Собственно, это можно считать концом рассказа, сэр. Довольно длительный промежуток времени выпал из моей памяти. То, что было перед этим, видимо, слишком сильно для слабого человеческого рассудка. Мне показалось, что весь мир вокруг одновременно взорвался, вспыхнул, обрушился, а потом разлетелся в клочья и погас. Когда я пришел в себя, вокруг, куда не кинешь взгляд, простиралась серая равнина, сплошь покрытая воронками, некоторые из которых еще дымились. Иногда они располагались так густо, что как-то заходили одна на другую. Я находился, можно сказать, в тылу и теперь смог видеть, как по месту, недавно бывшему передним краем, сплошным потоком шли русские танки и грузовики. Впереди – тяжелые танки и самоходные орудия большого калибра, с очень толстой лобовой броней, не боящейся огня случайно уцелевших орудий, не слишком много, редкой цепью и в сопровождении штурмовых групп саперов, а за ними уже все остальное, многие сотни танков и грузовиков, сэр. Насколько хватает взгляда. И еще копать. Откуда-то множество хлопьев жирной копоти, как черный снегопад с серого неба, затянутого густой дымкой. Через нее не просвечивало солнце. Вокруг не было никого из тех, кто был со мной до обстрела. Ни трупов, ничего. Может быть, они остались живы, не знаю. Убрили куда-нибудь, даже не понимая, куда идут. А через нацело опустошенную равнину, которую они пытались защитить, – совершенно безнадежная попытка, я знал это каким-то *непосредственным* знанием, сэр! – теперь нескончаемым потоком, безбоязненно валят победители. Поодиночке в редкой цепи и небольшими колоннами. Размашистым шагом или этакой привычной, собачьей рысцой. Опять танки, опять бесконечные колонны грузовиков и пешие. Нескончаемые и неутомимые. Не старики и не дети. Энергичные, ловкие молодые мужчины, твердо знающие, куда идут. И непонятно становится сэр, сколько правды содержится в сводках о миллионах и миллионах убитых или взятых в плен. Это уже нельзя назвать просто войной, даже самой страшной, – Уоллес отрицательно помотал головой, – это НАШЕСТВИЕ. Не в человеческих силах его остановить.

– Но вы все-таки уцелели.

– Да, сэр. Был немало удивлен и, откровенно говоря, рад этому обстоятельству. Но потом мне в голову пришла странная мысль: судьба нашей группы. Она на самом деле дьявольски показательна. Нас было пятеро. Кэдоген пропал без вести. Росуэлл пропал без вести. Чарли Твид чудом вывезен и позже умер от ран. Бэрд... он не в себе, и доктора не обещают ничего хорошего. И я. Боюсь, я тоже не скоро вернусь в строй. Не все убиты, но, в общем, группа уничтожена, сэр.

Премьер-министр молча, не отрывая тяжелого взгляда и не моргая, смотрел, как пытается руками удержать дрожащую, буквально прыгающую нижнюю челюсть блестящий офицер, храбрец, как говорится, «испытанный всеми родами смерти», потомственный военный, красавец аристократ. Сломанный человек.

– А главный ответ на главный же вопрос заключается в том, что они, похоже, нашли способ, при помощи которого вполне-вполне смогут приручить немцев. Поэтому основной сценарий в том случае, если вы, – не раньше, чем через три месяца! – высадитесь и начнете им угрожать, состоит в том, что они поднимут перчатку. Это обозначает захват Бельгии, Голландии и Франции, причем вас снова искупают в Проливе, и теперь уже, наверное, окончательно. Думаю, что Францию они официально оккупировать не будут: навяжут договор на аренду территории, и будут вести себя подчеркнуто прилично. После этого начнется самое интересное. Они мобилизуют немцев и начнут строить авиазаводы и аэродромы. Десятками и сотнями. А может быть, обойдутся только аэродромами, потому что мы не имеем понятия о мощности их производственной базы в глубине страны. А еще верфи. Видите ли, господин

премьер-министр, для броска через Ла-Манш вовсе не обязательны особо мореходные суда с выдающимися ходовыми и скоростными качествами. Хватит чего-то вроде огромных плотов, сплошь утыканных пушками, в том числе линкорного калибра, со скоростью шесть-семь узлов, и прикрытых с воздуха несколькими тысячами самолетов. С вашим опытом лорда Адмиралтейства вы куда лучше меня знаете, что именно это может быть. Дешевый, одноразовый примитив, слепленный по самым недорогим технологиям. Они себе могут это позволить, а вы, с вашей империей, – нет, потому что вам необходимы НАСТОЯЩИЕ корабли и вы не можете позволить себе траты на одноразовые... изделия. Тогда им останется дожидаться двух дней хорошей погоды.

– Мы не будем ждать, сложа руки.

– Разумеется. Втянуть вас в воздушную бойню с превосходящими силами, – это как раз то, что им нужно.

– Мы справились с джерри.

– И они тоже. Вот только слово «справились» имеет не одно значение. Между ними есть маленькая разница: вы *отбили*сь, а они – *расправились*. Но это не главное. Главное – что ваши дома, ваша производственная база тут, а их – в Сибири. Они будут бомбить вас, а вы – немцев с французами, на которых им, в общем-то, наплевать. Постепенно, – при этом довольно быстро, – они выведут из строя основные порты Острова и критический объем грузового тоннажа. Кстати, их реактивным бомбардировщикам вам пока противопоставить просто нечего, а весь остров вплоть до Шотландии попадает в радиус их действия. У русских они выполняли роль чего-то вроде авангарда, подавляющего ПВО, за которым следовала остальная ударная авиация. Сейчас их примерно полторы сотни, но число, несомненно, будет возрастать. А когда вы, не выдержав, накинётесь на главную базу их высадочного флота, они примут бой. Выиграют или проиграют, а только вы в любом случае надолго останетесь без дееспособного флота и без моряков, которых они обменяют на пушки, суперпонтон, импровизированную морскую пехоту и сколько-то самолетов. Свои потери они возместят сравнительно легко и быстро, а вот ваши могут оказаться невозполнимыми. Боюсь, никогда.

– И?

– Да, собственно, все. Совсем. В сухом остатке имеем небольшой, голодный, лишенный ресурсов остров, с дрянным климатом и слишком большим для него населением, никому особенно не нужный. В этом случае США просто *придется* взять на себя заботу о Британской Империи. Хотя бы для того, чтобы подданных Короны элементарно не вырезали туземцы. Время, Уинстон. Если хотя бы год. Хоть полгода... Да нет, полугода все равно не хватило бы.

Черчилль молчал несколько минут, глядя на собеседника в упор, а потом резко, рывком отвел взгляд, издав странный, неприятный звук, нечто среднее между невеселым смешком, скрежетом и сморканием.

– Как спокойно вы об этом говорите...

– Не правда ли? Очевидно, привык, пока думал обо всех этих вещах. Слишком долго думал. У меня от этих мыслей все время звенит в ушах, как будто сверчки поют, – знаете? И все чаще давит затылок. Забавно, говорят, что апоплексия грозит прежде всего полным, краснолицым коротышкам без шеи. Может быть, это и так, только иные мысли, кажется, куда более существенны, чем особенности телосложения... Да, к чему это я? К тому, наверное, что мы, даже самые неукротимые из нас, все-таки смиряемся с иными мыслями. Как, например, с мыслью о собственной смерти. Как уже говорил наш общий друг, Германия *будет* раздавлена, Уинстон. К его словам могу добавить одно: не только самим русским, но и остальному миру вполне очевидно, что раздавлена, – с самыми несущественными оговорками, о которых, для удобства, скоро перестанут упоминать, – именно русскими. Это чертовски несправедливо, но воспринято будет именно так, уверяю вас.

– Но ведь это обозначает Советы в самом сердце Европы!

– Боюсь, что так. Такова цена крови, которую мы сберегли, думая, что сможем обойтись деньгами. Или преимущественно деньгами. Как оказалось, при покупке некоторых вещей часть оплаты необходимо вносить именно в красной валюте.

– И это навсегда?

– Во всяком случае – надолго. Будем надеяться, что они не смогут переварить ТАКОЙ кусок.

– Эта перспектива представляется мне, господин президент, более, чем туманной.

– Доля истины в ваших словах есть, но вполне согласиться с ними я все-таки не могу. Они слишком цивилизованны для того, чтобы попросту ограбить и стереть Европу в порошок, превратив в козье пастбище, и слишком дики и мало искушены, чтобы поставить ее под эффективный контроль и правильно эксплуатировать. Они *попытаются* это сделать и неизбежно потерпят неизбежную неудачу.

– Я рискую не дожить.

– Мне легче. Я даже не рискую. Терпенье, Уинстон. Вы доживете до момента, когда время, сейчас так жестко играющее против нас, начнет играть против маршала Сталина и его жуткой своры. Это я вам обещаю, дружище.

– Я последовал вашему совету, и весь вчерашний вечер посвятил попыткам задать нужные вопросы нужным людям. Я узнал слишком много неожиданного и непонятого. Именно поэтому ваш проект последовательного Недеяния, – назовем его, если не возражаете, «Христианское Смирение», – не кажется мне вполне надежным.

– А он и не является вполне надежным. Просто, на мой взгляд, это единственная линия поведения, при которой ситуация, да, проигрышная, да, позорная, можно сказать, катастрофическая, – не стала бы *безнадежной*. Опыт самой последней истории показывает: пока жива Британия, с Европой не все еще кончено.

– Вы думаете, нам будет достаточно просто смиренно сидеть и вести себя примерно, чтобы этот людоед оставил нас в покое?

– А он сам объяснил нам все необходимое. Из чего я делаю вывод, что он все-таки не настолько умен, как думает сам. Или, может быть, привыкнув общаться исключительно с подданными, просто не имеет достаточного опыта общения с равными себе... владыками. Он не может остановить войну, так сильно мотивированную местью, желанием отплатить сполна за пережитый страх и унижения, потешить злобу, садизм и похоть. Да ограбить, наконец! Есть и более рациональное желание навсегда исключить исходящую от Германии, – а значит, от всей континентальной Европы, от всего *Zanada!* – угрозу. Но он проговорился, что в сложившейся ситуации совершенно не заинтересован продлевать войну свыше совершенно необходимого. Как раз для того, чтобы не допустить дальнейшего усиления военных и директората ВПК. Похоже, они сосредоточили в своих руках необъятную фактическую власть и привыкли к бесконтрольности и значительной безнаказанности. До войны карали кого угодно, за дело и просто профилактически, за то, что стал слишком силен или для того, чтоб запугать остальных. Теперь слишком многое пришлось прощать людям, доказавшим свою эффективность. И они отбились от рук. Ему хочется... да нет, просто *необходимо* побыстрее закончить войну еще и для того, чтобы заново взнудать их.

– Кажется, вы еще недавно еще говорили, что они разделяются с нами шутя... Так причем здесь длинная война?

– Бог с вами, – Рузвельт, чуть отклонившись, с явным изумлением глянул на него через очки, – вы меня совершенно неправильно поняли! Наскоро собранный экспедиционный корпус они, да, съедят не поморщившись. Но Канал! Это, неизбежно, весьма значительные потери, огромные подготовительные работы и довольно много времени.

«Вот только у Сталина может оказаться достаточно памяти, чтобы все-таки, воспользовавшись уникальным моментом, удавить вас, не считаясь с жертвами и не отвлекаясь на сиюминутные соображения. Страшно даже подумать об этом, но на его месте я поступил бы именно так. Искренне поговорил бы с ближним кругом и сумел убедить их. А потом... не знаю, наверное – умер бы. Так что поддерживать и Англию, и персонально тебя, боров, все-таки придется, причем всерьез» – подумал один.

«А вот то, что без Британии ты потеряешь и Европу, и, пожалуй, все восточное полушарие, и, следовательно, вся эта война окажется для США бессмысленной... нет, лучше сказать *не оккупившейся*, не давшей ожидаемых дивидендов... равно как и то, что не достигшая целей война обозначает войну, по сути, проигранную, ты понимаешь очень даже хорошо. Но успешно делаешь вид, что это только Америка нужна Британии» – подумал второй.

Черчилль неожиданно хмыкнул, его собеседник вопросительно поднял брови.

– Пришла в голову неожиданная мысль: а ведь если бы не Гитлер, русские так и не решились бы на активные действия. Ей-богу побоялись бы напасть. Так и варились бы в собственном соку, мутили и вредили по мелочи, не зная, чего стоят на самом деле. Проклятый Ади, – и тут нагадил. Ничего не может сделать, как следует.

– Что вы морщитесь, Борис Михайлович?

– Да ну, пустяки какие-то, – с досадой проговорил Шапошников, растирая левый локоть, – локоть вот... Ноет и ноет. Вроде бы и несильно, а покою не дает. Какой-то там локоть, – а вот мешает.

– Надо скипидаром, – наставительно сказал Сталин, – или, может быть, – к доктору?

– Попробую. А к доктору, – чего с такими пустяками к доктору, ей-богу? Само пройдет, товарищ Сталин.

– Может быть, все-таки кого-то другого? Помоложе найдутся. Что вы все сами дэлаете, пора паберечся, пуст другие парабатают.

– Нет, – Шапошников отрицательно покачал головой, – нельзя. Вы же знаете, товарищ Сталин. Каждый должен делать то, что он может лучше других... а это, как ни крути, кроме меня сделать некому. Послать пешку какую-нибудь без нормальных полномочий, так не будет Объект с мелочью разговаривать. Разговор выйдет только с фигурой сопоставимого ранга, иначе не имеет смысла затеваться. Так кого? Вы себе представляете Жукова, который пытается с Объектом – ДОГОВОРИТЬСЯ?

Сталин неопределенно хмыкнул, отворачиваясь.

– А тут будет слишком мало пользы давить. Тут нужно тонкое умение: с позиции силы, но именно что договариваться, а не диктовать условия. Рокоссовский? Умный мужик, но дипломатического опыта не хватит, и люди слишком разной среды, никогда друг друга не поймут.

Это он имеет в виду, – думал Сталин, глядя на собеседника ничего не выражающим взглядом, – что с дворянином должен говорить дворянин, иначе разговора на равных не выйдет. А значит, и результат будет не тот.

– Василевский?

– Тоже не пойдет. – Жестко сказал Шапошников. – Он умнее и талантливее меня, но слишком мягок.

– А ви, значит, не слишком?

– А я нет. – Тон маршала был сух и отрывист, как щелчок курка. – Ваши маршалы нередко разговаривают с людьми, как с грязью, но не задумываются, что для этого тоже существует много способов. Как раз тех, что нужны в данном случае, они и не знают. Вполне может случиться, что в отдельных эпизодах переговоров Объект подомнет их, просто за счет потомственного умения аристократа управляться с хамами. В конечном итоге, конечно, ничего страшного... Но допускать этого все-таки ни в коем случае нельзя. Ублюдок не должен испытывать даже тени торжества. Чувства даже призрачного превосходства. Нужно, чтобы он и сам почувствовал себя грязью. Нельзя оставлять даже щели, в которую смогло бы забиться его чувство собственного достоинства.

– Ви бы все-таки паберегли себя.

– Во время такой войны беречь себя значит не быть офицером. Другие маршалы командуют фронтами и родами войск, при этом всерьез рискуя жизнями. Проезжают и пролетают тысячи километров, рискуя в любой момент попасть в засаду, под атаку истребителей или под авианалет. По сравнению с этим разговоры о каком-то там риске моей миссии выглядят, право же, несерьезными. Вы знаете, я знаю, – как следует это дело могу сделать только я. Уклониться от своего, наверное, последнего боя значило бы скомкать всю жизнь, а не только ее конец...

– Борис Михайлович?

– Да, товарищ Сталин?

– Я нэ хочу скрывать, что, одновременно, мы будем действовать и через иные каналы.

– Нисколько не сомневался. Поступить иначе было бы ошибкой. Но на каждом направлении все должно быть сделано безукоризненно.

– Если вы не возражаете, не будем зажигать свет. Посумерничаем.

– С кем имею честь?

– Думаю, вы отлично это знаете, но, если на то пошло, лучше называйте меня «Советник». А я буду называть вас «герр Левински». По воинскому званию я пока примерно равен вам.

– Почему «пока»?

– Потому что, – с явным удовольствием пояснил Советник, – офицерское звание несущей армией носит несколько... условный характер. Становится словом, за которым

ничего не стоит, и употребляемым только из вежливости... Герр Левински? Не согласились бы вы продолжить беседу по-французски? Вы не знаете русского, а я, боюсь, не смогу достаточно точно донести свою мысль по-немецки. Недостаточно практики в разговоре.

– Как вам будет угодно. – Он сделал паузу, взглядываясь в плохо различимое лицо собеседника. – И какую же мысль вы хотели бы донести до меня по-французски?

– Для начала – техническую. Если вас не затруднит, – прекратите попытки упражняться в остроумии. Не стоит забывать, что мы находимся в несопоставимо разном положении. Теперь о деле. Я согласился на встречу, чтобы выяснить, действительно ли вы можете, так или иначе, ускорить капитуляцию Германии, или же за вами не стоит никаких реальных сил. Это все. Больше меня, в конечном счете, ничего не интересует. Остальные темы или варианты можете даже не поднимать.

– А не слишком ли много вы на себя берете? Та армия, которую вы списали, еще существует и борется. Вопросы такого рода...

– Герр Левински, вопрос тут только один. Останутся живы ваши солдаты, сложив оружие, или нам придется их убить? В последних столкновениях мы несем потери один к двадцати. Скоро станет один к пятидесяти. Это уже не война, а бойня, добивание лежачего. Уцелевшие после атаки нибелунги трясутся, пускают слюни, мочатся в штаны и ничего не соображают. Мы уже не знаем, куда девать бесконечные полчища психов арийского происхождения...

– Вы не все еще знаете!

– Уверю вас, – все, что мне нужно. Не только вы начали проявлять благоразумие. Другие успели предложить свои услуги несколько раньше. Никакое чудо вам не поможет, потому что весь впечатляющий запас отведенного вам везения вы истратили к декабрю сорок первого. Нет у вас никакого чудо-оружия. Ни один ваш самолет не пролетит больше пятидесяти километров, а эта ваша фосфорная отравка никакой не аргумент, а просто еще одна опасная игрушка. У тех мужиков, которые служат сейчас в Красной Армии, и без того слишком мало причин для милосердия. Нам, надо признаться, все труднее сдерживать их вполне справедливое желание отплатить немцам той же монетой. Так что лучше не будите лихо. Но это все лирика. Так ДА – или НЕТ?

– Вы не хуже меня понимаете: пока фюрер жив, ни о какой капитуляции не может идти и речи.

– Прискорбная беспомощность, – Советник пожал плечами, – если царь вел страну к краху, русское дворянство в былые времена проявляло, знаете ли, куда большую решительность. А вы, кажется, готовы погубить Германию, сдохнуть сами и лишит будущего своих детей, лишь бы только ничего не делать. Не пойму, – это трусость, фатализм или безумие? Все вместе? Впрочем да: со свойственным культурным европейцам лицемерием вы эту очаровательную смесь именуете «преданностью». Или «верностью присяге»... Левински, вы же его сами терпеть не можете. И предпочитаете считать его виноватым во всех бедах. И не уважаете больше. И, главное, рады-радешеньки будете свалить на покойничка разом все свои самые душистые деяния.

– Я не могу. Все равно это предательство.

– Понимаю. Жаль потерянного времени. – Советник, кряхтя, начал подниматься и вдруг хихикнул, а собеседник его даже вздрогнул, настолько зловещим в исполнении Бориса Михайловича Шапошникова, маршала и ближайшего советника Сталина показался ему этот неуместный звук. – Я это к чему: вдруг поймал себя на мысли: не знаю, что сказать перед расставанием! Желать добра, удачи, радостного скорого свидания, – мы ведь это делаем привычно, даже не думая, что говорим – было бы уж слишком большим лицемерием. Вы бездарно растратили свой шанс и безответственно распорядились шансом миллионов немцев. Поэтому и вас, и ваш народ, ждет будущее весьма печальное, но уж зато предельно впечатляющее. Это будет

действие, подобного которому мир не видел со времен падения Рима. Не на сотни, на тысячи лет запомнится.

– Хорошо, – у немца вдруг сел голос, – может быть, у вас есть вариант, как помочь мне?

Его собеседник, помолчав около секунды, несколько раз лениво, по-барски хлопнул в ладоши.

– Браво, Левински. Это как с потерей девственности. Трудно только начать, дальше будет гораздо легче. Я уполномочен успокоить вашу чуткую совесть. По крайней мере отчасти. Вам почти ничего не придется делать. Позаботьтесь, чтобы фюрер остался в бункере еще пару суток. Расскажите, к примеру, ему одну из этих ваших сказок, на которые вы такой мастер. Что-нибудь о победоносных войсках Венка, Кребса, Нибелунгов или атлантов, которые, – уже вот-вот! – сотрут с лица Земли орды унтерменшей. Вам лучше знать, – что именно. Если удастся, прикажете непрерывно передавать в эфир вот эту группу цифр. Она ничего не значит и поэтому не может быть расшифрована. Остальное мы берем на себя, и о вашей роли никто, никогда, ничего не узнает.

– Советник?

– Что еще, – в голосе русского прозвучало тяжелое недовольство, – какие-то еще сомнения?

– Нет, дело прошлое. Не вы ли автор тех двух текстов на мое имя? Радиопередача и пластинка?

– Впервые слышу. Лет пятнадцать не писал речей никому, кроме себя. А почему вы решили?

– В стиле есть, – проговорил немец, включая патефон, – что-то общее.

– Интересно, – слегка кивнул Советник, прослушав запись, – надо будет узнать, кто автор. Очень бойкое перо. Но знаете, что? Очень может быть, что никакого такого отдельно взятого человека и вообще нет. Поверьте мне, на свете существуют вещи, которые никто, вроде бы, не делал. Они просто есть – и все. Что-нибудь еще?

– Почему «Левински»? Это никого не может даже ввести в заблуждение.

– Чтобы вы начали отвыкать от себя и привыкать к жизни под другими именами. Видите ли, вступив в сделку с совестью и поступая вопреки всякой справедливости, мы дали вам твердые гарантии на известных условиях. Не будем их повторять. Но я вовсе не уверен, захотят ли наши украинцы признавать гарантии, данные без их согласия Эриху фон Манштейну. После известного приказа о «политике выжженной земли» за подписью этого военачальника. Это не наш брат великоросс. Народ тяжелый, памятный и упорный, с большой диаспорой, и вы не скрылись бы, пожалуй, нигде. Ваше счастье, что вы почти ничего не успели с этой откровенно гнусной затеей, а то мы все-таки не стали бы с вами договариваться. Невзирая даже ни на какие выгоды...

Больше запись проиграть не удалось ни разу: была пластинка, были вовсе неповрежденные с виду дорожки, и были записанные на них около четырех минут равномерного высоко-частотного шума.

– Слушаю тебя, сынок, – обергруппенфюрер сидел на стуле несколько развалившись, грубое лицо казалось добродушным, – что такого срочного тебе поручили комиссары передать старому Дитриху? Чем именно они собираются его подкупить или напугать?

Всеми своими манерами, громоздкостью фигуры, неторопливостью манер, мнимой расслабленностью, он напоминал Судоплатову сытого, мохнатого медведя-мишку. Добродушного-добродушного гриззли трехметрового роста.

– Командование Красной Армии и лично Верховный Главнокомандующий вооруженными силами СССР товарищ Сталин имеют сообщить и предлагают руководству СС следую-

щее. Наша сторона не будет возражать, если фюрер Германского народа Адольф Гитлер будет вывезен в любую страну мира по его выбору или по выбору лиц, принявших это предложение. Условием этого соглашения является во-первых, его полная конфиденциальность. Во-вторых отход герра Гитлера от активной политической карьеры и сохранение им инкогнито на протяжении оставшейся жизни. Третьим и главным условием является безоговорочная капитуляция всех германских вооруженных сил.

– Всего-навсего. Простое и ясное дело. В самый раз для того, чтобы решить его за кружкой пива. Этак, к примеру, между второй и третьей. Заметь, сынок, я ни капли не сомневаюсь, что ты говоришь правду, и тот, за кого себя выдаешь. И обладаешь нужными полномочиями. Тут вообще всего только одна ма-аленькая неувязочка: я присягал Фюреру, как ты выразился, германского народа. А не герру Гитлеру с неопределенным статусом и, тем более, не безымянному господину, хранящему инкогнито в Ираке или Аргентине. Поэтому на мой неисключенный взгляд предлагаемое вами деяние очень мало отличается от физического устранения. Кстати, – а как вы предлагаете поступить, если Фюрер – не согласится? Применить силу? А что? Перебить полсотни парней из «Охраны Фюрера», большинство из которых я знаю и люблю, заткнуть рот кляпом, сунуть в мешок и утащить на борт подводной лодки. А он при этом будет так потешно брыкаться своими коротенькими ножками в галифе. Вот только зачем он после этого нужен, и, тем самым – к чему такие хлопоты? Для того, чтобы спасти жизнь какого-то безымянного господина? – Дитрих отхлебнул из стакана. – Застрелить и проще, и гуманней, и полезней для дела Германии. Вот только я и этого делать не буду.

– Подумайте. Каждый час войны – это две с половиной тысячи убитых или искалеченных немцев. Шестьдесят тысяч в сутки, господин генерал-полковник. Без малого два миллиона в месяц. Два месяца – и население Берлина. Уже довольно давно Красная Армия несет несопоставимо меньшие потери. По сравнению с тем, что было, их вообще можно считать номинальными. Продолжение войны есть прямое и бессмысленное убийство германского народа.

– Что-то я не пойму, – недоуменно нахмурился эсэсовец, – а вас-то тут что смущает? Что вам не нравится в смерти каких-то там немцев, которые, к тому же, так славно потоптались по вашей России-матушке?

– Любому человеку отвратительно бессмысленное истребление людей. И даже не только людей, но и любых существ с теплой кровью.

В этот момент Павел Судоплатов, хладнокровный и убежденный убийца, давным-давно при очередном исполнении не испытывавший ни малейших эмоций, говорил, в общем, довольно искренне. Удивляясь собственным словам, понимая, что немец над ним издевается, но да, искренне.

– О-о-о, это так похоже на одного кремлевского гуманиста с усами, моего, кстати, тезку*! Насколько мне не изменяет память, его очень мало смущало истребление даже собственного народа... Послушай-ка... Как тебя, Пауль? Так вот, я тебе скажу по-простому, по-солдатски: капитулировать в данных условиях то же самое, что сдаваться, когда твердо знаешь, что тебя следом же отправят в пыточную камеру... Не перебивай! Я верю, что вы не собираетесь истреблять немцев поголовно. Даже в то, что вы не планируете поработить и загнать их всех в рудники и шахты. Германия просто-напросто попадет на стол к кремлевскому вивисектору, который начнет перекраивать ее по своему вкусу. Как водится – наживую. Результатом неизбежно будет жуткий урод, калека, которому лучше бы и вовсе не жить. На мой вкус смерть куда лучше. И я не имею ни малейшего желания облегчать вашу совесть, которая вдруг стала такой чувствительной: убивайте дальше. Или уйдите, если нервы не выдерживают.

– Вы решаете за миллионы людей, многие из которых хотят жить.

– Я. Не решаю. Ни за кого. Кто хочет – пусть сдается. Кстати, я был против идеи наказывать родственников дезертиров, пораженцев и даже перебежчиков. Теперь в этом нет никакого смысла. Кстати, Пауль, – а почему тебя вывели именно на меня? Не на рейхсфюрера,

не на толстого Германа? Не на Бормана, наконец? Зачем вам понадобился старый танкист, который терпеть не может интриг?

– Названные вами лица ненадежны. В обоих смыслах. В нашем руководстве существует понимание истинного положения вещей в руководстве СС и того влияния, которым реально обладают там отдельные лица. Например, относительно вас известно, что на вас ни разу не осмелился поднять голос даже ваш вождь. Который нимало не стесняется устраивать разносы и рейхсфюреру, и рейхсмаршалу, и всем прочим, без исключения.

Иозеф Дитрих с интересом поглядел на него, а потом негромко, чуть хрипловато расмеялся:

– А ведь это вы верно подметили, молодцы. А я как-то и внимания не обращал...

После этого он словно бы забыл о собеседнике, как бы давая понять, что аудиенция закончена, и снова отхлебнул из стакана некую прозрачную жидкость, и Судоплатов понял, что генерал пьет уже давно, скорее всего – не первый день, но состояние духа его таково, что алкоголь не оказывает на него обычного действия. Не может ни успокоить, ни дать забвение, ни хотя бы оглушить. А еще он понял, что провалил задание и, понятно, виноват. Но виноваты и те, кто послал на эту встречу его: абсолютно не его весовая категория.

* Обергруппенфюрера (и, по совместительству, генерал-полковника танковых войск, у высшего командного состава ваффен-СС были и те, и другие звания) Дитриха звали Иозефом.

Иные мелочи влекут за собой важные следствия. События масштабные дробятся массой следствий вроде бы незначительных, исчезающе тонких. А те, в свою очередь, имеют шанс повлечь за собой много всякого. Важного, смотря как поглядеть, смотря для кого, – или просто странного. Просто невозможного ни при каких других условиях. Следствием всей службы, всей системы Тяжелых Разведчиков, как она есть, с интригами, ночными машинами первого поколения, турбонаддувом, тактикой на первом, втором и последующих этапах, стали экипажи. Никто как-то не придавал надлежащего значения тому, во что превратились экипажи этих машин. Никогда и нигде не складывалось таких условий, и поэтому результатом стало совершенно особое сообщество бойцов. Отдаленным подобием, пожалуй, можно было бы счесть экипажи «Каталин», наматывавших тысячи миль над морями и океанами, но это аналогия того сорта, которая, скорее, могла бы только запутать дело. Это были люди, жившие относительно долго при самой интенсивной и разнообразной боевой работе, какую только можно представить. Отбор шел не по стандартному и, казалось бы, единственному для войны признаку выживания, а по эффективности выполняемой работы. Война, будучи ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ орудием увеличения хаоса и нарастания энтропии, – это, соответственно, и прежде всего неизбежный и колоссальный беспорядок, нестыковки, непонятки, несогласованность и постоянные ошибки лиц, принимающих решения. При таком уровне беспорядка, вообще говоря, был бы совершенно невозможен никакой иной вид деятельности. Этот же контингент, имевший более-менее постоянный, – только растущий, – состав на протяжении девяти месяцев, за это время приобрел умение делать свою работу на уровне средних ремесленников. То есть попросту невероятно высокое по меркам войны.

Они уверенно владели всей бывшей в их распоряжении техникой, никогда не блуждали, при любых погодных условиях, твердо зная свое положение в пространстве: кое-что было украдено у англичан, но уникальная автоматическая система навигации по звездам была своей. А еще имели место множество мелких усовершенствований и каждодневный опыт сотен часов, проведенных в герметической кабине на огромной высоте, который и не опишешь и не оценишь, но именно он делал эффективным все прочее.

Служба обросла инфраструктурой, сложнейшей системой связей, и некоторые, вроде бы рядовые, летчики в не слишком высоких званиях на самом деле пользовались очень солидным влиянием.

Их не могла обмануть никакая маскировка, да они и не позволяли что-нибудь всерьез замаскировать, вовремя замечая сами попытки такого рода. Они ошибались не чаще, чем какой-нибудь хирург фронтовой госпитальной базы по пятому-шестому году общей практики, когда на фронте стоит относительное затишье, и промахивались не чаще опытного снайпера средней руки. Классическое высказывание о том, что ни один план не выдерживает столкновения с противником, к ним, практически, не относилось. Они выполняли, в общем, любые задания, если только они не носили мнимого характера, и неписанным девизом их было: «У нас не бывает неожиданностей. У нас бывают только варианты». И вот среди этой-то своеобразной элиты Красной Армии и было приказано выбрать десять экипажей для прохождения особой подготовки.

Десятого июня товарищ Голованов мимолетно заметил товарищу Москаленко, что весьма впечатлен эффективностью новых бронебойных снарядами. Казалось бы ничего особенного, но, на самом деле, такого рода разговор был практически невозможен. Только в случае соответствующей подачи сверху. Фактическому командующему нарождающейся стратегической, да и всей тяжелобомбардировочной авиацией вообще, было не до спецификации противотанковых снарядов. Ну, – не его это было дело. Вот только новое время требовало объединять самые, казалось бы, далекие интересы. Человеку из штаба Второй Воздушной армии* пришла в голову интересная идея относительно нового типа бомб. Дело в том, что некие дорогие изделия совершенно исключительных достоинств, использовались, на его взгляд, крайне бездарно. Речь идет о бракованных, а также – о расстрелянных, изношенных стволах гаубиц калибра 152 мм. В связи с этим он подал докладную записку по принадлежности, и заодно приобрел еще одну причину скрывать свое светлое имя от благодарного потомства. В наркомате боеприпасов докладную записку внимательно рассмотрели, поняли открывающиеся перспективы для некоторых особых случаев, и творчески доработали. Везде существуют люди с особым родом чутьем, и оно их не подвело: Верховный Главнокомандующий и впрямь очень заинтересовался затеей во-первых, и приказал хранить ее в глубочайшем секрете во-вторых.

Если в учебных образцах в качестве материала бронебойного наконечника оставили закаленную сталь, то в изделиях для боевого применения их решили отлить из тех самых отходов комбината под городом Кыштым. Изделие носило характер конусообразной заглушки с хвостовиком по калибру ствола и весило пятьдесят семь килограммов. Еще двести восемьдесят три килограмма приходилось на форсированную взрывчатку. Взрыватель был вроде того, что ставят на флотские бронебойные снаряды главного калибра, но все-таки с отличием. Знающие люди говорили, что эти штуки, попав в борт «Тирпица», проткнули бы его насквозь и улетели дальше, не заметив, вот только лишних линкоров для проверки этого под рукой как-то не оказалось. Испытания проводились на объекте, проткнуть который насквозь не грозило бы ни одному боеприпасу на свете, – на земле. Это не означало, что тут не было хлопот и своих проблем: работники полигона с утра до вечера копали все более глубокие ямы, дабы уложить в них все более толстые массивы железобетона. Это не удовлетворило начальство, поскольку земля получалась слишком рыхлая. Поэтому в дальнейшем прибегали к двум способам, не заменяющим друг друга. Во-первых – шахты стали заполнять не вынутым грунтом, а строительным мусором или булыжником пополам с колотым диким камнем. Во-вторых – пришли к тому, что начали бить галереи от одного шахтного ствола: в итоге это оказалось экономнее.

Простая, как грабли, идея проклятого штабиста для реализации потребовала множества экспериментов. Даже орудийные стволы оказывались недостаточно прочными при работе с некоторыми типами препятствий, разлетаясь мало что не вдребезги. Александра Ивановича

привлекли для небольшой консультации, а в итоге он провел на полигоне почти месяц. И, как обычно, там, где он находился дольше десяти дней, выросло целое производство.

– На мне проклятие, – говорил он, – мне **ВООБЩЕ** нельзя халтурить. Если у меня перед испытанием остается малейшее сомнение*, что сделано все возможное, – пиши пропало. Сомнения неизбежно оправдаются, и все пойдет хином.

Неудачной оказалась попытка туго обмотать корпус бомбы углеродной нитью, «пропитав» несколько таких слоев боразоновым лаком, хотя конкретная картина неудачи, пусть и относительной, до сих пор является секретной. То же относится к попытке замены обмотки – натянутой тканью- «рядном» из той же нити. Итогом стал образец, переделанный так, что слой теперь уже модульной ткани, в которой углеродная нить была заменена карборундовой, в качестве матрицы располагалась на корпусе *заподлицо*, позади гладкого кольцеобразного выступа высотой в два с половиной миллиметра, а пропитывал ее обычный алюминий. В чудовищных условиях ПРИМЕНЕНИЯ он сначала – плавился, а потом – испарялся, исполняя роль, своего рода «экстремальной смазки». То, что он при этом успевал или не успевал вспыхнуть, роли, как выяснилось, не играло. Вообще надо сказать, только исследований по поведению материалов в таких условиях можно было бы написать пару десятков вполне практичных докторских диссертаций, – вот только времени не было. И это, действительно, очень жаль: результаты крепко пригодились бы потом, когда дело коснется не менее серьезных экстремумов атома и космоса. Сколько забот потребовал несложный взрыватель, чтобы действовал как нужно, а еще и вполне надежно, не хочется даже рассказывать, да еще и не обо всем можно. Зато проблему управляющего оперения, чтоб раскрывалось в полете, решили неожиданно быстро: у товарища Мясищева оказались соображения на этот счет, хотя и по другой теме, и Берович смотрел на него с восхищением, которое у него традиционно вызывали изящные конструкторские решения. Сложное, казалось бы, дело, а воплощалось в простенькой комбинации пружин, стопоров, полуколец и одного пиропатрона.

Когда в военный обиход, да еще во время такой войны, внедряется какая-нибудь новинка, говорить о ней, как о каком-то определенном *образце* может только дилетант. Опытные образцы. Образцы предсерийные. Первые серийные, которые все равно наполовину опытные. Образцы разных серий, начиная от ранних, и кончая последними. Причем все это – имеет право иметь модификации специального назначения. Во всем этом может сломать голову не то, что специалист, но и сам создатель. С этой затеей поначалу отказались от цифр, фигурирующих в названии каждой штатной авиабомбы и обозначающей вес. Все модификации имели, помимо различий, общее название «Изделие – «Д»: в данном случае «Д» – обозначало просто-напросто «длинное», но было обозначением не хуже и не лучше никаких прочих. О материале бронебойной головки мы уже говорили, но это – да-алеко не все различия. Так, во второй партии резко усилили хвостовик изделия, сделав, кроме того внутреннюю поверхность дна не плоской, а в форме параболического свода. Потом, в связи с сомнениями, – достаточно идиотскими, надо сказать, – будет ли заряд иметь достаточно синхронный взрыв при такой его длине, потребовали повысить гомогенность взрывчатки. Берович счел, что эта проблема находится всецело в его компетенции, увлекся, и сделал, как положено, полноценные детали из вещества, названного впоследствии «камптагенном», или, сокращенно, «КТГА». Он был плотнее аналогичной по составу смеси примерно в два раза, являясь, по сути, кристаллическим телом, очень прочным, твердым и упругим. При этом Саня честно предупредил, что, будучи в два раза плотнее «материнской» смеси, эта штука пока что еще и дороже в пятнадцать раз. О результатах полномасштабных испытаний взрывчатки даже создателю сообщили уклончиво, сказав только, что они «вполне удовлетворительны» применительно к специальным целям.

И все это – в различных комбинациях. Для испытания в боевых условиях, например, была избрана так называемая «Модификация «П», то есть «промежуточная»: не учебная, но с головкой из монолитной молибденовой стали с поверхностным упрочнением гамма-нитридом крем-

ния. Так вот и среди них были варианты с разной конструкцией хвостовиков, а еще имелось два изделия, содержащих камптаген, которые были на двести сорок два кило тяжелее... С виду, понятно, – не различить, только по маркировке, в которой почти никто не смыслил. Сами по себе испытания состоялись совсем недавно, под конец июля, в полосе наступления 4-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов. Потом к решению этой масштабной задачи подключились и другие силы.

*Сомнения людей, в совершенстве знающих свое дело и вообще чаще всего оказываются оправданными. Чистое проклятие, на самом деле.

– Вам все-таки нужна именно «пятерка», вы твердо решили?

– По-другому никак. Получается куда хуже. А чего в ней особенного?

– А – горнизоном командует штурмбаннфюрер Эрнст Лебке, «старый борец» из зело партейных. Та еще сволочь.

– Другие что – лучше? – Угрюмо спросил Мосолов, отвечавший за операцию. – Кого попало тут наверное нет...

– Ну почему? Есть вполне симпатичные ребята. Вот, к примеру, Борзиг из «четверки», которая «Гнейзенау», или...

– Вот пусть и живут, раз такие симпатичные. Другие отличия есть?

– Да, в общем, нет. Все большие форты построены примерно одинаково. Двести пятьдесят по фронту и примерно полтора в глубину, пятиугольник тупым углом в поле. Вот только у «пятерки» к югу – еще малый фортик. «Лендорф» называется

– А уязвимые места?

– В обычном понимании их просто нет. Сейчас покажу, а вы решайте сами.

С этими словами капитан повесил на стенку первую схему, красочную и исполненную прямо-таки виртуозно.

– Так это выглядело в прошлом веке, когда народ отличался наивностью и бороться со шпионами просто не умел. Вот здесь – казематы, и «напольные казармы», соединенные осевым коридором. Свод – два с половиной – три метра хорошего кирпича. Потом достраивали дважды, совсем другие люди, и схем не достать. Но: судя по фотографиям вспышек выстрелов, помещения так и остались на прежнем месте, значит, реконструкция коснулась только защиты. По данным местных жителей она имеет следующий характер...

Глядя на то, с каким увлечением рекомендованный им капитан Максимов излагает подробности, на любовно вычерченные схемы, Анатолий Чемезов поймал себя на посторонней мысли: «А ведь никакой ты не капитан, хоть и погоны носишь, и не сапер. Архитектор ты, и себя не переделаешь. Ученый муж, а не военный человек. Жалко».

– ... Песчаная «подушка» толщиной два-три метра, полтора метра железобетона, а поверх всего – еще три-четыре метра земли. В ней, как видите, растут деревца. Итого – не менее десяти-двенадцати метров в общей сложности.

– Старье, – безопеляционно сказал пожелавший присутствовать Мерецков, впрочем, предупредивший, чтоб «не обращали внимания», – слишком длинный фронт, чтоб можно было обойтись фланкирующими точками, а лобовые мы рано или поздно покроем. Слишком громоздко.

– Это – да. Но потери будут очень велики. В том числе в артиллерии. А если в стены, так они даже двадцать восемь сантиметров неплохо держат. Насквозь-то – не пробьют пока ни разу.

– Товарищ капитан. Вы покажите, куда и под каким углом надо попасть, чтобы эту тварь – того... Если, к примеру твердо уверен, что и попадешь, и пробьешь.

– А-а, – Максимов внимательно поглядел на майора Мусинского, уже с месяц как переведенного приказом в тяжелую авиацию, потому как снайпер, – тогда в любой каземат. Если выбить угол, в котором расположен настоящий капонир, на две стороны, – лучше северный, не прикрытый малым фортом, то можно будет обойти по левому флангу – и все... Только знаете, что? У нас ведь как штурмуют: обстрел – атака, атака – обстрел, во время обстрела, понятно, норуют по амбразурам. Неприятно и риск большой: маленький снарядик положит сразу всех, попадают-то не так уж редко. Поэтому, когда обстрел, немцы оставляют одиночек, а сами всей кучей бегут в «гаржевые» казармы, которые в тыл смотрят. Обстрел кончился – они назад. Так вот, – сказал невоенный человек и ученый муж, – тех казарм всего две, очень большие, и если во время специально затянутого обстрела угодить в них, то защищать форт будет некому.

Насчет «неприятно» – это он сгладил углы. Дело в том, что с некоторых пор в ров с напольной стороны, прямо под амбразуры, стали класть ракеты в специсполнении. Не часто правда, потому что очень уж дорого, попасть почти нереально, да и не решало в конце концов, но в таком случае всех, оказавшихся на огневых позициях у амразур, если и не убивало, то из строя выводило напрочь. Об этих редких до нереальности случаях тем не менее помнили и думали постоянно. Другим развлечением, не столь эффективным, но как бы не погаже, была какая-то небольшая пушка. Судя по разрывам, всего около двух дюймов, но отличавшаяся жуткой точностью. Если русским удавалось подтащить ее километра на полтора – пиши пропало. Если не с первого, то со второго выстрела прямой наводкой «гадюка» надежно попадала в амбразуру, и маленькой гранатки хватало на всех. А обнаружить ее приземистый силуэт было куда как непросто, маскироваться русские за два года научились. Третьего выстрела ей сделать, как правило, не давали: отменным средством были тяжелые минометы во внутреннем двореке, и «лифтовые» мортиры, опускавшиеся под литой колпак после дела. Тут был пристрелян буквально каждый метр, и прицел брался буквально автоматически, по таблицам, разработанным под любой калибр и любую погоду. В машине осады очень быстро, буквально сразу сложилась прочная цикличность. Любимая манера русских, – атака за огневым валом, – тут не действовала: ров глубиной в четыре метра, а за ним отвесная стена, по своим стрелять не будешь, а когда они задерживались перед препятствиями, защитники успевали занять свои места, и из атакующих не выживал практически никто. После положенной паузы налетали самолеты, и тогда форт мягко вздрагивал: пикировщики – попадали, но их бомбы не могли нанести существенного вреда укреплению. Тяжелые бомбы с тяжелых бомбардировщиков попадали в форт очень редко, как исключение, поскольку для них он был слишком мелкой целью. Все это вовсе не делало жизнь осажденных санаторием: атаки комбинировались с налетами пикировщиков, и со стрельбой из орудий на прямой наводке, внутренний дворик представлял собой одну сплошную воронку, засыпанную слоем осколков, земля с вала сползала в ров, местами обнажая конструкции. Каждый день кто-нибудь погибал, потери вроде бы немногочисленные, но тяжелые, поскольку каждый человек был на счету. Дымовые снаряды, буквально сводившие с ума. Страшные удары восьмидюймовых «чемоданов» в стену. А кое-когда начинала тяжело вздрагивать земля и сверху, по отвесной траектории, начинали падать фугаски и еще более крупные, по разрывам судя, вообще десять – одиннадцать дюймов. А самое главное, защитники превосходно понимали, что русские еще даже и не брались за них всерьез.

Другое дело, что товарища Черняховского вовсе не устраивало сложившееся положение вещей. Когда соседи слева успешно заканчивали войну, он тут застрял перед знаменитым, но не таким уж большим городом, и несет большие, давно не виданные, – и век бы их не видеть! – потери. Собственно говоря, – у него все было готово для того, чтобы решить вопрос по-плохому: две воздушные армии полностью к его услугам, громадная группировка артиллерии большой и особой мощности, группировка стратегической авиации, да за пару

недель работы просто не оставят от города камня на камне. Вот только есть приказ дать городу еще шанс, испробовав на его укреплениях какую-то новинку.

И когда привычно взвыло и загрохотало, и земля заходила ходуном, а все пространство перед амбразурой заволочло пылью и дымом, ефрейтор Шредер забился в угол, приняв позу, которую несколько позже будут именовать эмбриональной. «Дежурным по обстрелу» оставляли либо по очереди, либо за провинности. На этот раз была его очередь, и именно в его дежурство «Фридрих Вильгельм III» вдруг содрогнулся всем своим каменным телом как-то *по-особому*. Он вздрогнул, как линейный корабль, получивший торпеду под мидель либо же пару шестнадцатидюймовых в одном залпе. Пару – потому что форт жестоко встряхнуло два раза подряд, так, что удары практически слились между собой, и сразу же из-за задраенных, несокрушимых дверей каземата до ефрейтора донесся страшный, еще неслыханный грохот, а сталь двери вдруг заскрипела и застонала. Жизнь не позволяла задраить двери по полной форме, потому что, подав сигнал товарищам, он был обязан открыть дверь к моменту их появления. Тем не менее это были еще цветочки, потому что следом ударило и еще раз, с такой силой, что тело его подняло и с размаху швырнуло о каменную стену, а сам он оглох и на несколько секунд потерял сознание. Очнувшись, не сразу понял, почему так сумрачно, а потом сообразил: мимо амбразуры сверху непрерывным потоком стекала сорванная страшным взрывом земля, песок и обломки конструкций. Дверь перекосило под треснувшим сводом и заклинило, но здешние конструкторы предусматривали все, ничего не пуская на самотек: отпорный механизм, способный вырвать дверь из пазов, действовал: он провернул пару раз массивное колесо, не столько услышал, сколько почувствовал ободранными пальцами едва слышный скрип и оставил старания. Колесо с натугой, но поддавалось. А вот спешить ему, судя по всему, было вовсе незачем.

Три машины, со всем тщанием прикрытые истребителями, выходили на цель по очереди, работая практически в полигонных условиях. Новичкам везет, и поэтому два первых изделия модификации «П» угодили почти точно в указанные капитан-инженером «гаржевые» казармы. Третью бомбу, невзирая на управление, унесло вперед: пройдя через слой земли над перекрытием, она угодила в край рва, канув в грунт, как в воду. Четвертая угодила примерно посередине свода «напольного» фаса с неизвестным эффектом. Явный результат удалось отметить от ударов шестого и седьмого изделий: они одно за другим попали в свод северного капонира, совершенно его разрушив. Восьмое, как и пятое, угодило во внутренний дворик, примерно под основание вала, признаки взрыва были зафиксированы и засняты.

– Что ж ты, снайпер, куриная лапа, – с укоризной прогудел Байдуков, проследив за последним путешествием третьего номера, – а я-то думал...

Мусинский не стал объяснять, что прежняя его снайперская работа несколько отличалась от нынешнего занятия, потому что искать оправдания – не по-мужски. Шестую он положил «как рукой», и было похоже, что за попаданием последовал какой-то внутренний взрыв.

– А теперь – глядите...

Третья и последняя бомба из числа имевшихся на борту почти вертикально ударила в литой металлический колпак крупного ДОТ-а, прикрывавшего подход к северному углу форта. От этого металла рикошетировали снаряды орудий особой мощности, но весящая поболее трех тонн пятиметровая игла, летящая со сверхзвуковой скоростью, пронизала его, как воск. Это была не инертная насыпь форта, тут все было налицо, и экипаж воочию увидел, как многотонный колпак сорвало с места, разорвало и смяло, как бумажный.

Используя тот же тактический прием, специальная тяжелобомбардировочная группа в тот же день полностью вывела из строя («привела к молчанию») форты №10 и №11. Этим был в значительной мере обеспечен успешный прорыв внешнего кольца обороны в двух местах из трех запланированных. На другой день по шесть прямых попаданий получили рavelины

«Штернварте» и «Врангель»: это было сделано как бы в подтверждение ультиматума, предъявленного коменданту Кенигсберга. «Модификация «П»» пронизывала стены и перекрытия древних укреплений, взрываясь глубоко внутри, горнизоны рavelинов понесли катастрофические потери, будучи практически уничтожены.

Несколько раньше на двух полукилометровых участках второй линии обороны была применена «минская смесь» в соответствии с «первой таблицей». В городских условиях она давала эффект потрясающий и неповторимый: взрывной волной объемного взрыва напалм-алюминиевую смесь буквально вдавило в окна, амбразуры, мельчайшие щели. Эта процедура значительно сократила время горения смеси, зато резко повысила его температуру и интенсивность. По этой причине то, что осталось от укреплений, было занято пятью штурмовыми группами почти без сопротивления, но некоторые входы все равно пришлось взрывать, потому что некому было – сдаться, некому – открыть двери пострадавших, но по-прежнему прочных бетонных руин изнутри. Раскаленный черный бетон, раскаленный, – не возьмешься, – металл дверей, и зачинщики, которые вроде бы сунулись внутрь, – и опрометью выскочили обратно, причем кое-кого пришлось выволакивать. Даже в этот момент, спустя час или около того, температура в помещениях достигала семидесяти градусов. А еще там было нечем дышать.

– Господин комендант, – обратился к Отто фон Ляшу парламентар, майор Крастецкий (перевод с советской стороны – Эрих Дыркаб, с принимающей стороны – Иоганн Новотны), – командование Четвертого Белорусского фронта повторно предлагает капитулировать на прежних условиях, без их ужесточения, и поручило мне передать коменданту города Кенигсберг нижеследующее. «Группировка люфтваффе в Восточной Пруссии уничтожена полностью. Долговременные укрепления практически неэффективны против новых средств поражения, имеющихся в распоряжении командования фронта, и горнизоны их будут уничтожены, не имея возможности оказать сопротивление или нанести потери советской стороне. Горнизон города Кенигсберг не имеет возможности к активному сопротивлению, прочие соединения вермахта на территории Восточной Пруссии окружены и изолированы. В случае, если данный ультиматум не будет принят, город будет уничтожен артиллерийским огнем и бомбардировками с воздуха. Время на принятие решения до 16⁰⁰ следующих суток по берлинскому времени, ответ через парламентаря в указанном Вами месте.»

Крастецкий поднял глаза, передал бумагу коменданту и продолжил.

– Кроме того, мой командир, – проговорил он предельно веско, глядя коменданту прямо в глаза, – командующий фронтом генерал армии Иван Данилович Черняховский поручил мне передать устно, что, в случае продолжения сопротивления, мирное население из города выпущено не будет. Что термин «бессмысленное сопротивление» в данном случае следует понимать в самом прямом смысле, а не в качестве фигуры речи: ваши солдаты будут убиты, не сумею нанести значимых потерь или даже надолго отвлечь группировку от иных фронтов. Ваш истинный долг, – защита населения, не будет выполнен, поскольку оно погибнет при штурме, и единственным способом сохранить его является капитуляция. Кроме того, здесь сосредоточена группировка в полторы тысячи ударных самолетов, и поэтому генерал Черняховский гарантирует полное уничтожение кораблей и судов, осуществляющих эвакуацию мирного населения и воинских контингентов на акватории порта и в открытом море, а запертые на островах и побережье группировки будут уничтожены с воздуха. Так или иначе через пять суток от начала штурма все будет кончено, а на вашей совести останутся жизни четырехсот тысяч немцев.

В докладе о результатах испытания в боевых условиях «бомб повышенной бронбойности» эффективность оружия признана близкой к ожидаемой, а тактика применения в условиях хорошего истребительного прикрытия «удовлетворительной». В конце были даны рекомендации по совершенствованию тактики.

– ... англичан. – А?

Фон Браун, погруженный в собственные, достаточно невеселые мысли, услышал только последнее слово. Уж слишком оно не входило в нынешний его повседневный лексикон.

– Вы меня совсем не слушаете, а я говорю интересные вещи. Сегодня мы отбываем, и уже завтра будем со спецпоездом на полигоне «Степной» в низовьях Волги. Там ваши сотрудники с помощью наших рабочих приготовили к старту несколько «А – 4». И союзники будут, говорю. Англичане, потому что американцев ваша тематика почему-то не заинтересовала.

– Я не понимаю, – после короткой паузы, наконец, отреагировал конструктор, – зачем вы собираетесь делиться с людьми, которые *никогда* не будут России друзьями? Мне, откровенно говоря, все равно, но меня всегда беспокоит, если я не понимаю чего-то, что меня касается. Ведь вы совершенно спокойно могли бы послать их подальше, под сотней благовидных предлогов, или даже просто так... И они утерлись бы!

– И что, – с любопытством осведомился попутчик, – в союзнические обязательства вы совсем не верите? Равно как и в верность своему слову?

Спутник его был веселым, зальсым мужчиной примерно его лет, с физиономией, как с самой злобной антисемитской карикатуры рейхсминистерства Пропаганды. Представился, как Борис. Немец только кинул на него полный пренебрежения взгляд, как на какого-то недоумка, и откинулся на спинку сиденья. А тот продолжил.

– Я, откровенно говоря, тоже не очень-то, но товарищ Сталин, как правило, знает, что делает. Думаю, что завтра-послезавтра, на пусках, все прояснится... Да! Чуть не забыл. Меня просили передать, что вас ждет сюрприз. Вместе с вашими ракетами они собираются запустить свою. Что, какую – ничего не знаю, в разработке не участвовал, потому что вывозил этот ваш «Миттельверке».

Пожалуй, никогда, даже во время разгрома «военного заговора» и «ленинградского дела» следствие не велось в столь сложных условиях, так тщательно и в таких масштабах. Лучшие разведгруппы со всех фронтов, лучшие следователи из всех служб и лучшие палачи им в подручные. Квалифицированнейшие, – без шуток! – специалисты способные извлечь всю правду полностью и ничего, кроме правды, из кого угодно. Не дав ни единого шанса потерять сознание, сойти с ума или помереть до этого момента. Задача поначалу казалась непосильной, но постепенно набралось достаточное количество тех, кто знал какую-то малую толику или даже часть общей картины. Все это в одном флаконе и под единым руководством временного следственного управления, специально созданного по такому случаю. Нашли и жителей, с домами которых работы велись по соседству, и рабочих, и подрядчиков, и даже некоторых должностных лиц, имевших отношение к стройке во времена оны. Весь этот планктон имел одно назначение: подтвердить или опровергнуть данные тех, кто, чая краха, и ожидая милости от победителей, предложил собственные услуги. Были и вполне идейные товарищи, которые по самым разным причинам терпеть не могли ни фюрера Германского Народа, ни единственную и неповторимую в Рейхе Партию. Те, кто уцелели. Уцелевшие знали немного, но зато очень, очень старались. Сведения обобщались, сравнивались, уточнялись, проверялись, и обобщались снова. Установленные факты поражали буколической простотой, доходящей до примитивности. То есть такой, что невозможно было поверить.

Отсюда, снизу, результат всех этих титанических усилий и неподдельных стараний был воспринят до обидного буднично. А еще довольно лаконично. Очередная бомбежка. На этой глубине иные взрывы не были слышны, а иные – воспринимались как отдаленные толчки, более или менее сильные. Так на протяжении довольно длительного времени происходило и теперь:

кто-то с настойчивостью, достойной лучшего применения крушил серые, холодные развалины наверху, очевидно, желая окончательно истереть их в муку. Бомбежка, как будто бы, стихла, и можно было, казалось, перевести дух, когда все в бункере, и стены и потолок, сотряслось от удара, бывшего из ряда вон. Откуда-то сверху посыпалась труха, пыль, которым, по идее и взяться-то было неоткуда. Кое-где, подпрыгнув, со столов слетела посуда, письменные приборы, папки с документами и даже одна пишущая машинка, в ряде помещений погас свет, – и следом же сотрясение повторилось, ближе и сильнее. В клетушку приемной вбежал, крича что-то неслышимое, дежурный офицер, и в этот момент потолок рухнул и все пространство внутри затопило пламя неимоверной, не имеющей названия яркости. Вы представляете себе действие плазмы, имеющей при этом плотность твердого тела? Нет? И не пытайтесь, потому что нельзя представить себе то, чего не видел никто из живущих. Те, кто видели, уж наверное никому, ничего не расскажут.

Кто сказал, что два раза в одну воронку бомба не попадает? В данном случае такое вызывающее поведение было, скорее, правилом.

Сама того не подозревая, особая авиагруппа практически в деталях воспроизвела тактику монгольской конницы в период расцвета. Тяжелые самолеты выстроились друг друг в хвост, образовав широкий, диаметром километров тридцать, круг, поочередно делая неторопливые повороты к внешней стороне этого круга. При этом машина тормозилась, на миг как бы зависая в воздухе, и очередные две бомбы уходили вниз, суетливо расправляя острые плавники управляющих плоскостей. Тяжелая машина доворачивала, уходя на новый круг, и ее место занимала следующая, чтобы выпустить следующую порцию своих непомерно тяжелых стрел. Некоторые из операторов использовали ракетный блок доразгона, что увеличивал скорость бомбы на сто пятьдесят метров в секунду, некоторые – обходились без доразгона: это было оставлено на их усмотрение.

Казалось, что уже первые две идут как надо, прямо в цель, что их перенесет через высокие стены развалин, но не судьба. Они почти одновременно ударили в верхнюю часть закопченных стен того, что осталось от рейхсканцелярии и пронизали их, будто картонные. Тем не менее дальше, в сад, бывший истинной целью операции, улетели две молнии, две иглы ослепительного, более яркого, чем любой магний, пламени. Свет оказался так ярок, что экипажу пришлось яростно тереть глаза кулаками, не вот еще проморгавшись. Об опасности ослепления, тем не менее, было сообщено немедленно. Но следующие были удачливее, угодив точно в сад, только что не внутрь силуэта, наложенного на увеличенный снимок сада. Бывшие следом учли их опыт. С третьей или с четвертой машины последовало попадание. Небольшая воронка, тем не менее, была хорошо видна, и кто-то из следующих операторов угодил прямо в нее. После шестого попадания в соответствии со схемой, оператор, гвардии старший лейтенант Бугаев, отметил образование провала там, где по схеме была обозначена «западная» или «служебная» часть подземного комплекса. Спустя еще две машины признаки провала были отмечены и подтверждены также в проекции «восточной» или «жилой» его части. Всего восемнадцать машинами было сброшено девяносто изделий «Модификации «Т», из них на территорию сада вообще не попали три, добрались до цели сквозь стены еще две, а точно в цель угодили пятьдесят три бомбы. Почти шестьдесят процентов. Или, если по-другому, примерно по одной бомбе весом в три тонны на пять квадратных метров сооружения. На месте обеих частей подземного комплекса и соединявшего их узкого перешейка с лестницей образовался кратер, дно которого светилось лютым багровым светом.

КТГА обладал совершенно обычной, той же, что у аморфного аналога, мощностью на единицу массы, но совершенно непомерной бризантностью. Настолько, что испытатели почували что-то неладное, но так и не смогли объяснить, что именно. Впрочем, взрывчатка вполне отвечала своим задачам и по силе, и по стабильности, и по безопасности, и они решили

«не умничать» А он – дробил и раскалывал фортификационный бетон, разделяя фракции друг от друга и превращая его в прах, и разделял арматуру на фрагменты по сварным швам, так что толщина перекрытия почти не играла роли. Бронебойный оголовок особого характера попал в поистине небывалые условия. Разогретый до огромной температуры за счет кинетической энергии столкновения с грунтом и фортификационным бетоном перекрытия, он начинал «мерцать», выжигая ничтожное количество кислорода, что содержалось в грунте. Потом следовал взрыв КТГА, что выстреливал его, словно пулю, за то ничтожное время, которое сверхпрочный корпус сопротивлялся взрыву. Удар спереди и почти кумулятивный, сконцентрированный в узкую струю взрыв сзади сжимали раскаленный до страшной температуры кусок металла, как снежок. Но мало того: явление «сверхбризантности», характерное для КТГА, как раз и отличается тем, что скорость детонации его достигала явно рекордной величины, измерить которую (феномен «аномальной детонации», характерный именно для монокристаллических взрывчаток, получил свое обоснование спустя шесть лет, в диссертации Вилена Скачилова и потребовал привлечения аппарата квантовой механики) тогда так и не удалось. Но она, как минимум, десятикратно превосходила скорость звука в материале оголовка, поэтому в металле не оставалось ни единой связи, которая не была бы разрушена. То, что получалось в результате, было совершенно особым состоянием вещества, сверхплотной аморфной массой, разогретой до солнечных температур. Будь это нормальный, «дикий» уран, он, пожалуй, дал бы скачек радиоактивности с «аномальным» тепловыделением. Его же обглоданный «хвост», достигнув полости, превращался в безудержно расширяющийся газ, который просто-напросто вспыхивал, напрочь выжигая кислород в двадцати пяти кубометрах воздуха. Вспышка порождала ультракороткий всплеск очень своеобразной высокочастотной вибрации. Соответственно, – при этом образовывалось около шестидесяти пяти килограммов черной, как сажа, двуокиси с малой толикой нитрида. В данном случае имел место слишком фундаментальный подход: «Модификация «Т» надежно проникла бы и в тоннели московского метрополитена, даже в самые глубокие, спасовав, разве что, перед иными из Ленинградских.

Здание рейхсканцелярии попадало под удары с воздуха не раз, каждый раз имея большие или меньшие повреждения. Страшная бомбардировка в ночь с шестого на седьмое превратила комплекс в руины. Сегодня предварительная «обработка» комплекса рейхсканцелярии и его окрестностей при помощи сорока ОДАБ сделала его подобием Стоунхенджа. Взрывы примерно сорока пяти тонн КТГА в общей сложности на глубине 12 – 15 метров дали совершенно особый эффект, на доли мгновения превращая почву под строениями в подобие трясины: теперь высоченные, черные от копоти прямоугольники стеновых фрагментов торчали из затвердевшей почвы под разными, самыми неожиданными углами. Как будто позабыв, что у них некогда был фундамент, и угрожая теперь неожиданными обвалами. Пол провалился в обширное подземелье под зданием, похоронив там и мертвых и тех, кто мог еще оставаться в живых. Спустившаяся с серого неба на серых парашютах группа людей, затянутых серыми в крапинку комбинезонами, при серых касках под капюшонами и противогазах последнего образца, рысцой рассосалась в окрестностях рейхсканцелярии, отдавая особое внимание обширной черной яме в выжженном дотла саду. Трудно, почти невозможно было поверить, что это – человеческая постройка, а не результат какого-то древнего вулканического катаклизма. Не экспонат вроде: «Каттла, северный склон: Малая кальдера». Даже раскрошившийся бетон частично расплавился, застыв причудливыми сосульками и гребнями, а черная двуокись вплавилась в него, местами образуя новые соединения, в том числе, не такие уж черные. Оливковые, желтовато-зеленые, красно-оранжевые. От человеческих тел при температурах порядка четыре с половиной тысячи градусов, при давлениях в многие десятки тысяч атмосфер не осталось ничего, достойного воспоминания. Несколько расплавленных монет и металлических подков, вплавленных в камень. Самой существенной находкой оказались остаток зубного протеза, пострадавшего несколько меньше, чем все остальное, но тоже расплавленный, покрытый

зеленоватой каменной глазурью. На случайно устоявших углах домов, что выходили на перекрестки, люди в сером камуфляже заботливо вывесили таблички «Ахтунг! Газен!». Они хотели оградить свою деятельность от зевак, но любопытствующих в окрестностях не оказалось. Сюрреалистический ландшафт, в который превратился Тиргартен в частности и центральные кварталы Берлина вообще, не был пригоден для жизни, и живым людям там делать было нечего. Свою лепту в это обстоятельство вносили четыре «Ту – 10Р», непрерывно кружившие над развалинами и немедленно вызывавшие пикировщиков, заметив внизу малейшее шевеление. Имела место и еще одна новация: над городом, помимо разведчиков, кружило еще три тяжелых машины, которые таскали за собой на «цепке» мизерные по сравнению с их тушами тела истребителей.

Предосторожность эта оказалась вовсе не лишней: целых два раза в наводсе, вроде бы, прибитом пейзаже вдруг откидывались незаметные крышки и из-под земли выныривали, круто набирая высоту, какие-то длиннокрылые машины весьма экзотичного вида. В первый раз некто Кожедуб, молодой, но перспективный и быстро растущий истребитель, расцепил цепку и дал полный газ. Он обладал тем немалым преимуществом, что с самого почти начала летал на истребителях Лавочкина и делал это, пожалуй, лучше всех. В данном случае предположение, что такой удалец укротит и реактивный «Ла», оправдалась. Ему, в отличие от многих и многих пилотов, «Ла 9С-бис» понравился сразу. Уж он-то мог нанести смертельный удар в одном выпаде, хлестком и стремительном, как удар сабли. Как те легендарные самураи, у которых обнажение меча, – из любой позиции! – уже само по себе было ударом. Классическая атака, без новомодных выкрутасов, снизу – с задней полусферы, на предельной скорости. Машина буквально вырвалась на высоту, как дьявол из-под земли, не давая возможному стрелку ни малейшего шанса, ни единого мига на прицеливание, три пушки взревели, – и «лавочкин» проскочил вперед и влево, в пологом развороте, что уже входил в привычку. Несчастный «арадо», на котором и стрелка-то не случилось, развалился в воздухе, изломанный фюзеляж с остатком правого крыла, рухнул в диком, неправильном вращении, не дававшем шанса спастись.

Вторую машину примерно в том же стиле днем позже свалил капитан Драч, очень сильно изменившийся со времен своего прозрения.

К этому моменту Берлин уже находился в глубоком охвате с северо-запада, и надежды вырваться из сокрушенного города на запад наземным транспортом не было никакой.

Запоздалый аргумент

То, что «ЖСО – 2», железнодорожный состав обеспечения, окажется таким удобным и функциональным, по какой-то причине, которую он и сам не мог взять в толк, неприятно царапнуло душу конструктора. То есть поезд был бы, наверное и еще уютнее, не будь в нем такого количества «лишних». Так, ничтоже сумняшеся, с великолепной наивностью «плакатный» Борис обозначил и англичан, и рой сопровождающих англичан советских чиновников, и дополнительную охрану из ведомства Ивана Серова, и, как подозревал конструктор, его, фон Брауна, тоже, – всех чохом. Тех, кто призван не делать дело, а докучать настоящим работникам. Не один, не два, целых три состава летели нынче в ночную степь, задерживаясь только по необходимости, за пополнением запасов воды и угля. Там, в пункте, само название которого секретилось от всех «лишних», его ждали товарищи и подчиненные по работе в Пенемюнде. Те, кто предпочел уступить силе победителей. Он не мог их винить: сама мгновенность катастрофы, превращение расы господ в бесправных пленных, которых пыльные конвоиры лениво тычут прикладами, сбивая в покорное стадо, мироустройство, в считанные часы поставленное с ног – на голову, да еще вывернутое наизнанку, вызывало настоящий шок, ошеломляло, парализуя всякую попытку к сопротивлению. Лично его это касалось в меньшей степени, зато у тех, у кого не было столь развитого интеллекта, проявлялось в полной мере.

Вообще, глядя на поведение соотечественников, бывший штурмбаннфюрер не уставал удивляться: никто на всем белом свете не был способен на столь неукротимое упорство сопротивления, когда сдаваться было «не велено», и мало кто проявил бы столько покорности, все-таки сдавшись в конце концов. С неоспоримостью непосредственного знания, которое не нуждается в резонах и доказательствах он понял: сколько-нибудь значимого сопротивления не будет. Ни чего-нибудь подобного страшным партизанам Белоруссии или Брянщины. Ни даже культуренького «Résistance» европейского образца. Все идиотские разговоры о «загадочной» либо «непостижимой» душе непредсказуемых якобы русских на самом деле бессмысленны. Потому что немцы и непостижимы, и загадочны ничуть не меньше. Те, кто аккуратно и добросовестно служили Рейху и Адольфу Гитлеру, теперь точно так же будут служить русским.

И день, и вечер за окнами вагона пролетали глухие, черные еловые леса, бесконечные, однообразные степи без признаков человеческого жилья, какие-то поля, рощи с начавшими желтеть листьями, и редкие, убогие людские селища. Пустая земля. Глядя на нее поневоле испытываешь недоумение, откуда взялись неисчислимые полчища, затопившие нынче Европу.

Вид трех составов, упершихся в тупик посередине бескрайней степи, между трех холмов, под открытым бескрайним небом потрясал. Нет, тут были все необходимые железнодорожные службы, причем достаточно развитые, водяные станции, склады, технологические горки и прочее. Вот только находилось все это нигде. Старожилы рассказывали, что еще три месяца тому назад и этого не было. Просто пустое место где-то в нескольких сотнях километров от Сталинграда. Впрочем, теперь имелись и некоторые новации самых последних недель. Километрах в двух от подъездных путей высились несколько быстровозводимых ангаров впечатляющих размеров. За истекшее время мало того, что возвели ангара, в них еще успели доставить и установить технологическое оборудование и теперь всю собирали ракеты.

Бывшие сослуживцы при встрече хоть и с едва заметной заминкой, но все-таки приветствовали его. А потом спешили отвести глаза и избегали новых взглядов. Сборка «А – 4» мало интересовала его. Поточное производство надоело конструктору еще в «Доре», а для того, чтобы понять, НАСКОЛЬКО все в порядке, ему, при его опыте, достаточно было одного взгляда. Так вот соотечественники *очень* старались. Вряд ли из одного только страха, потому

что привычная работа – превосходная опора для психики во всякого рода смутных и трудных обстоятельствах. Одна из лучших. Позволяет выжить и сохранить здоровье даже тем, кто иначе непременно заболел бы.

Свора британских шпииков была и многочисленной и по-настоящему разномастной: от явных инженеров, крепко потрясенных увиденным, и до молодцев с одинаковым во всех странах, интернационально гнусным взглядом. Дорвавшись, они, как положено, всюду совали свой нос, многократно фотографировали каждую деталь со всех ракурсов и надоедали работникам расспросами. Немцы были вовсе не уверены, как отнесутся к их готовности сотрудничать с бриттами – хозяева, и поэтому отвечали кратко и невразумительно. Англичане развернули целую лабораторию привезенных с собою из Метрополии приборов и теперь, трудясь до пота, определяли состав материалов «А – 4». На примитивную деятельность русской группы в отгороженном углу ангара они не обращали никакого внимания. А еще тут ходил совершенно непонятный тип со знаками различия подполковника артиллерии, но без наград. Он вообще являл собой зрелище, в котором на первый взгляд не было ничего особенного, но для опытного глаза просто дикое. Плотного телосложения, но с худым лицом и впалыми щеками. Тяжелая круглая голова была посажена на плечи, казалось, без всякого посредства шеи, а грустные глаза имели цвет темной нефти. Тип не делал ничего конкретного, но почему-то именно в его присутствии фон Браун чувствовал глухую, беспричинную ненависть, не имевшую, казалось бы, ни малейшего смысла. Чувство парадоксальным образом напоминало что-то вроде ревности. Тут было интересно то, что на русского поглядывали и англичане. И тоже не знали о нем ничего конкретного: фон Браун проверил. Значит, в человеке действительно было что-то такое... Что привлекает внимание просто само по себе, без внешних атрибутов.

– В заводских условиях подобная работа производится намоточными автоматами, в которых изделие ориентировано, разумеется, горизонтально. Работа ведется с автоматическим контролем натяжения полотнища. Здесь такой оснастки, к сожалению, нет. Да и, кроме того, она не подходит для таких солидных масштабов. Поэтому намотка идет вручную с ручным контролем натяжения. Пришлось привезти лучших рабочих. Нашу гордость, наших ветеранов. За право участвовать целое соревнование развернулось...

На вид ветеранам было лет по девятнадцать, от силы, или это только казалось от их худобы. Трое молодых людей в ослепительно белых комбинезонах с капюшонами, в респираторах, медленно, с поразительной плавностью наматывали фасонный лист на массивный цилиндр диаметром примерно сто шестьдесят – сто семьдесят сантиметров и длиной метров в шесть. Вчера вечером его со всеми предосторожностями установили торцом на диск: сейчас он медленно вращался, оказавшись неким подобием гончарного круга. Двое натягивали полотнище, девушка постарше, очевидно, главная в этой бригаде, напряженно следила за шкалой немудреного динамометра, а четвертый при помощи горелки обжигал ярко-желтую поверхность листа так, чтобы она стала блестящей и равномерно-черной, без разводов. Все шло нормально, без сбоев, тур за туром ложились на предыдущие плотно, без морщин, и примерно за час работа была закончена. Быстро наклеили на верхний торец цилиндра диск, и сели в стороне. Еще через полчаса нахлобучили сверху ярко-желтый колпак из чего-то, напоминающего резину, тщательно, не пропуская ни миллиметра, обработали его из распылителя реагентом так, чтобы он стал черным в тон остальному, и стянули ремнем под кольцеобразным выступом в верхней части цилиндра. Фон Браун с возрастающим изумлением глядел за их действиями.

– Что они, черт возьми, делают?

– Двигатель. Первую ступень.

– Около десяти кубометров? – Неприятным голосом осведомился конструктор, собеседник его – кивнул. – Предупредите меня за полчаса до того момента, когда решите запалить

эту штуку. Лучше быть от места старта километрах в трех. Лучше – в пяти. Она рванет, как десять тонн тротила, если не сильнее.

– Гораздо, гораздо сильнее. Если рванул бы. Но он не рванет. Если бы пацан с горелкой в самом начале процесса поджог бы шашку, – было бы весело, очень и сразу всем, но и тогда взрыва, скорее всего, все-таки не было бы. Риск, откровенно говоря, серьезный, но мы получили приказ, и выхода у нас нет. На фронте гораздо опаснее. А так... Изделия примерно на порядок меньшего размера не взрывались у нас ни разу. Методы контроля доказали свою эффективность. Заряд прошел испытания на стенде, правда, без намотки, «вкладочным» вариантом в испытательном цилиндре, так что фокусов, связанных с нелинейностью, ждать тоже не приходится.

– Глупость какая-то. – Немец с раздражением пожал плечами. – Напоминает то, как я делал ракеты в девять лет, обматывая «макаронины» артиллерийского пороха – станиолем... Одну, две, три. И тут никакой разницы.

– Нелинейность. Все та же нелинейность. Разница на семь порядков, от граммов и до десятков тонн, меняет все, и преодоление этого... и не так уж очевидно, и недешево стоит.

– И вообще это тупиковый путь. Запалив раз, вы уже не сможете управлять процессом.

– Согласен с вами, – легко согласился темноглазый, – для пилотируемых полетов неизбежно придется обращаться к жидкостным ракетам. Об этом сейчас даже страшно подумать, но в эту кашу все-таки придется лезть. Вот только в качестве надежного и удобного оружия твердотопливные системы выглядят... достаточно перспективными.

– Оставьте! Они же совершенно неуправляемые! Ими можно попасть, разве что, в Черное море, да и то если выпустить под наклоном...

Собеседник, который, парадоксальным образом, и притягивал и раздражал, снова кивнул, по видимости никак не отреагировав на вспышку немца.

– Мы и не претендуем. То есть вашу инерциальную систему мы скопировали и установим, но управлением назвать это можно будет только условно. Устройство то есть настолько грубо, что речь может идти, скорее, о своеобразной системе безопасности. Ни аэродинамических, ни газовых рулей мы установить, понятное дело, не успели и успеть не могли. Поэтому наш упрощенный вариант рулевого устройства при необходимости просто-напросто зажжет малые заряды. Их восемь пакетов по три заряда в пакете, расположены по кругу. В зависимости от величины и направления такого вот непредусмотренного отклонения рулевой автомат запалит заряды одного, двух, или трех пакетов. Один, два или все три заряда в пакете*. Поэтому машину назвали «плебесцитарным автоматом». Официальное название «ПАД – 1». Плебесцитарный Автомат Дискретный.

– Восемь? – Немец гнусно усмехнулся. – На восемь сторон света? Свастика Локопал?

– Что? – Собеседник нахмурил темные брови. – Какая свастика?

– Не обращайтесь внимания. Не та. Из «Аюрведы», вы не знаете. И не надо. Хоть от этого бреда вы были избавлены...

– У нас хватало своего, так что можете не завидовать.

– Не буду. Но если серьезно, то и это не очень простая система.

– Но и не из сложных. Видите ли, у автомата жесткая настройка: при любом отклонении компенсировать и заваливать ракету на восток. Только на восток. И, если все в порядке, когда выгорит топливо базовой ступени, – тоже на восток.

– Используя вращение Земли? Разумно.

– Да нет. – Русский не без досады поморщился. – Просто на восток от этих мест уж вообще никто не живет.

Тем временем бригада провела сборку на нижнем торце цилиндра, подвесив его на тросах. Конструктор увидел вполне привычных очертаний конус здоровенной дюзы. Изделие, по бокам снабженное к тому же еще какими-то кронштейнами, выглядело совершенным сгуст-

ком тьмы, полностью монолитным, без единого видимого шва. Но неугомонные ветераны зачем-то снова аккуратнейшим образом покрасили изделие. В серебристо-серый цвет.

– Это зачем?

– Да, собственно, с той же целью. Чтобы не пропустить ни миллиметра поверхности. Но вот конкретно эта краска еще играет роль электрода. Чтобы между броней самой шашки и ею было напряжение. Жидкая фаза слоев кристаллизуется, окончательно объединив оболочку в единое целое.

– Не слишком ли сложно?

– Зато мы получаем оболочку из самой прочной на разрыв, упругой и жаростойкой субстанции на свете. Совершенно монолитную и гарантированную от дефектов. Это, если хотите, стиль предприятия: не дать аварии ни одного дополнительного шанса.

Результат в любом случае производил впечатление. Примитивные с виду, пристойные разве что какой-нибудь топорной самоделке действия в итоге дали изделие, поражающее своим совершенством. Очевидно, самая сложная часть работы была завершена, потому что первая бригада потянулась к выходу. По тяжелой походке совсем еще молодых людей становилось понятно, какого напряжения на самом деле требовали их немудреные с виду действия.

Тем временем пуски «А – 4» шли по плану: четыре пуска в первые сутки, четыре сегодня. Из них взорвалась, как-то косо уйдя со стартового стола, только одна. Примитивизм условий на полигоне убивал: во время старта наблюдатели прятались в самых обычных щелях, открытых бойцами приданного инженерного батальона: ни тебе положенных метров фортификационного бетона над головой, ни перископической оптики. При прямом, да и сколько-нибудь близком попадании ракеты толку от примитивных укрытий не было, почитай, никакого. Но по инструкции полагалось, и поэтому все честно сидели. Над русской игрушкой трудилась следующая бригада. К подвешенному и намертво расчаленному цилиндру по бокам прилепили еще четыре ракеты, длиной метра по три с половиной и, на глаз, классического шестнадцатидюймового калибра. А еще, как будто этого было мало, четыре коротких «плавника» во всю длину центрального блока. Изделие на глазах стало громоздким, потеряв исходное совершенство лаконичной формы, и это вызвало у конструктора совершенно иррациональную досаду.

– Вам изменяет чувство меры. Уродливые самолеты плохо летают.

– Вы это про стабилизаторы? Подстраховка, не больше. Скорее всего – лишняя. Как паруса на первых пароходах, знаете? Уверен, что у серийных изделий таких подпорок не будет. У первого старта очень узкие задачи: убедиться, что двигатель работает, а ракета летает. Узнать, на какую дальность можно рассчитывать. Хотя бы на какой порядок. Убедиться, что методики расчетов правильны. Ну, не вам объяснять подобные вещи. И еще одно: совершенно новая рецептура топлива. Раньше пробовали только на стенде или в гораздо меньших масштабах. Мы решили, что для таких размеров любая рецептура все равно окажется новой, и пошли на риск. Руководство нас поддержало.

Бригада тем временем «налепила» на сооружение обещанные «рулевые» заряды в пакетах, окончательно изуродовав облик аппарата. После этого к месту монтажа вернулась после отдыха первая бригада.

– Зачем боковые блоки?

– Из-за нехватки времени. Вместо нормальной второй ступени. Стандартные двигатели тяжелых боевых РС под обтекателями. Запалим вместе с центральным блоком. Когда горючее выгорит, боковинки планируются отстрелить.

– Слушайте... Вы кто?

– Инженер. Примерно такой же, как и вы. Вот только на то, чтобы войти в курс дела, мне дали всего три месяца! Так что вместо ступени ребята установят блок управления, автономную телеметрическую аппаратуру в прочном корпусе, и тонну пиротехнического состава под обтекатель. Это не интересно. Пойдемте спать. Я еще не пришел в себя после... курорта и поэтому

постоянно клюю носом. Вот поем – и засыпаю. Согреюсь – и засыпаю. – В голосе темноглазого инженера вдруг послышалась сдержанная, но очень серьезная ярость. – Останусь один, так что никто не мешает, – и сплю!!! И это в тридцать шесть лет.

– А за этими вашими пролетариями, что, – не надо присматривать?

– Не надо. Я сейчас куда меньше доверяю себе, чем ребятам из комсомольско-молодежной бригады этого предприятия. За четыре года до потребителя не дошло ни одного бракованного изделия. Это во время войны. Ребята вошли во вкус безупречности.

*Так, на всякий случай, – 2²⁴ вариантов. 16777216 всего-навсего. Правда, считая сюда откровенно идиотские и условные. Но и за их вычетом тоже неплохо.

– Это нечестно. Эта ваша каракатица будет стартовать не со стола.

– Что? А-а-а! Разыгралось воображение. Побоялся, что изделие под влиянием случайностей начнет раскручиваться. Ведь не остановишь. Вот и построили стакан с оригинальными направляющими. Это что-то вроде твердого масла с температурой плавления под восемьдесят градусов. Нормальные направляющие шпоночного типа делать на первый раз побоялись: *гарантия*, что заклинит или зацепится. Но я в самую последнюю очередь думал о каком-то там соревновании. Какое соревнование может быть между прототипом опытного изделия и реальным боевым оружием? Правда, – сыроватым, не без того, но все-таки.

В девятнадцать – ноль-ноль, на момент старта, здесь уже заметно смеркалось. Там, где ракете полагалось упасть, было, очевидно, уже совсем темно. К первому контрольно-телеметрическому пункту, расположенному на сорок километров восточнее, пара автожиров вылетела отсюда, со странного полустанка в пустой степи. Фон Брауну довелось увидеть дикие механизмы вблизи. Самое сильное впечатление произвело то, что были они явно рабочими, со следами интенсивной и достаточно длительной эксплуатации. По словам одного из инженеров, создатель этих машин отошел от темы, поскольку считает, что схема классического вертолета более перспективна.

К моменту времени «ноль» присутствующие члены стартовой бригады сверили часы. Тут же жались тесной кучкой сборщики: они, понятное дело, до смерти хотели поглядеть на старт, но просить разрешения так и не посмели. Так что подполковник-артиллерист попросту, без просьбы отдал приказ, обосновав его необходимостью «мотивировать хороших ребят».

Не было никакого драматического «обратного отсчета» времени, просто-напросто с трех сторон одновременно, осветив степь тревожным кровавым светом, с шипением взлетели красные ракеты. И, спустя секунду, показавшуюся бесконечной, но все равно внезапно, оно и произошло.

Склоны трех холмов и степь до горизонта на северо-запад, – в ту сторону, куда уходили рельсы, озарилась ослепительно яркой белой вспышкой, в глазах, уже по привычке к сумеркам, плавали зеленые пятна с красной каемочкой, а потом ударило так, что даже здесь, в трех километрах от позиции, у наблюдателей заложило уши. В первый момент фон Браун пребывал в полной уверенности, что «каракатица», как и положено, взорвалась в пору какого-нибудь вагона с динамитом. И только пару секунд спустя до него дошло, что страшный грохот никуда не делся, что он длится, накрывая собой степь. И тогда конструктор схитрил, повернувшись так, чтобы на действие можно было поглядеть боком, неослепленной частью глаз.

– Ч-черт бы вас побрал, – злобно выругался немец, – черт бы вас побрал...

Посередине степи стремительно росла исполинская колонна плотного, как повидно, зеленого светящегося дыма. В считанные секунды шлейф достиг высоты в несколько километров, и продолжал расти. Дьявольская штукавина перла в зенит с чудовищным, недопустимым ускорением. И настал момент, когда на небе загорелась огненная гвоздика, жесткий свет которой пробивался даже сквозь выхлоп.

– Телеметрия, – прогнусавил динамик из темноты фургона, расположенного позади щелей и дверью к старту, – поступает устойчиво по всем шести каналам. Гироскоп... норма. Отклонения... ниже критических. Вращения ракеты... нет. Только что прошел сигнал о срабатывании отстрела... по плану. Блоки ступени... отошли. Манометры... давление в камере... устойчивое. Потеря азимутальной остойчивости, уклонение к северу! Включение плембесцитарного автомата. Пакет два – раз, два, три, пакет три – раз, два, пакет четыре – три... Легла строго набор! Отклонение от строго восточной – семь градусов... Отключение маршевого по программе, скорость около пять-один...

– За сколько времени до отключения двигателя включилась автоматика?

– Сейчас... на пятьдесят пятой, за пять секунд до плана.

– Ну это, можно сказать, по-божески.

– Отделение головной части... по штату. Угол наклона касательной... семьдесят... Плотные слои... рикошета нет.

И, наконец:

– «БН – 23», десятый пункт. Находясь на высоте шестьсот, видели зеленую вспышку примерно в двадцати километрах, азимут взят, привязка к местности методом посадки машины. Сели, ждут.

– Поздравляю вас, коллега, – саркастически проговорил фон Браун, – на пятьдесят километров южнее, и всего-навсего на сто шестьдесят километров дальше, чем планировали.

– Масштаб, – пожал плечами русский, – вы за двести пятьдесят километров промахивались на десять-пятнадцать, а что у вас вышло бы при стрельбе на тысячу тридцать?

– Думаю, все-таки что-то поприличнее. На большей дистанции растет разброс, но увеличивается и время на коррекцию.

– Я уже говорил, – терпеливо сказал русский, – мы еще, можно сказать, не начинали заниматься управлением. Второе изделие, которое планируется запустить сегодня, тоже рассчитано на минимальную управляемость. Руководство предпочло считать вчерашний пуск, – успехом. И поэтому разрешило мне испытать иную схему старта.

– А это вообще – возможно? По-моему, эти ваши бешеные шутихи летят исключительно туда, куда угодно Господу.

– Не понимаю, кого вы сейчас пытаетесь обмануть? Меня или себя? Испробуем газодинамические рули. Аэродинамические. Комбинацию того и другого. Поворот хвостовика с косо-срезанными или эксцентрично расположенными дюзами. А еще мне намекнули, что есть возможность наклона оси сопла. Управляемая деформация материала, хотя я пока и понятия не имею, что это значит. Вы никак не хотите признать того простого факта, что даже при наличии сбоя снаряд улетел более, чем на тысячу километров. Хотя это, по сути, даже не снаряд, а его половина. Одна ступень с дурацкими подпорками.

– М-м-м... как честный человек, обязан сказать, что в последнем случае вы, может быть, излишне самокритичны. До параллельного пуска разных ступеней прежде не додумался никто. Если, вдобавок к этой схеме, третью-четвертую расположить продольно, может выйти... интересно.

– Рассмотрим и этот вариант тоже. И другие. Пока не выберем лучший. Судя по всему, нас не собираются ограничивать в средствах.

– У ваших систем слишком высокое ускорение. Сколько-нибудь сложные системы управления не выдержат ничего подобного. Это все равно, что выстрелить автопилотом из пушки.

– Это ваши не выдержат. Наши – так вполне. Переход на другую элементную базу у нас не сейчас начался, а как бы ни два года тому. Мне показывали перспективные схемы, они, надо сказать, впечатляют, но доводить до ума всю систему все равно придется очень долго. Годами.

– Знаете, что? – Голос немца неожиданно стал задумчивым и совсем невеселым. – Меньше всего мне нравится ваша откровенность. Она не сулит мне ничего хорошего.

– Видите ли, герр фон Браун, никакого такого радужного будущего у вас не было с самого начала. С того момента, как вы попали в плен. На вольный выпас вы уже не попадете, судя по всему, просто никогда. И тут моя откровенность играет, право же, слишком незначительную роль. Слишком высоки ставки. Даже если бы ваша голова и навыки не имели для нас никакой цены, вас не отпустят хотя бы потому, что вы можете оказаться полезны кому-то другому. И какую бы свободу вам ни дали, – не обманывайтесь. Бежать вам не дадут. Все остальное зависит только от вас. Будете лучше всех, – будете главным над всеми, и никто, никогда не вспомнит про ваше прошлое. Семья. Дети. Дом. Автомобиль. Поместье за городом! Самолет полностью к вашим услугам! Все, что хотите, – но вот уехать вам не дадут.

– Очень, очень воодушевляет. А ведь я в начале всего-навсего мечтал о покорении космоса. Да если хотите знать, будь на месте Фюрера кто-нибудь более прагматичный, – не видать мне ни денег, ни людей, ни базы. Того же эффекта добились бы куда проще и дешевле. Во всяком случае, я так думал. И вдруг оказывается, что нашлась еще одна группа авантюристов от техники.

– А-а, так вы, оказывается, ничего не знаете... Я исповедую одну ересь. На самом деле одна нация не умнее и не глупее другой, у них просто разные сорта глупости. У немцев она чуть ли ни самая оригинальная из всех. Вы с бесконечной изобретательностью, остроумием, мастерством, на грани истинной гениальности и даже за этой гранью осуществляете затеи, до слез идиотские и бессмысленные по сути. Пушка «Колоссаль». Гениально задуманная и блестящая по исполнению, но не имеющая ни одной вменяемой цели война с СССР. Ваши ракеты, в шесть раз дороже, чем «Ju – 88» и в десять раз бесполезнее. Перечислять можно долго. Но ваша история все-таки из ряда вон даже в этом списке. Трудясь до пота, делать вещь, которая совершенно очевидно была бесполезной и объективно вредной для вас, но зато может очень пригодиться вашим врагам. С тех пор утекло много воды, и есть сведения, что разрабатывается принципиально новая взрывчатка. Тонна ее якобы способна разрушить квадратный километр застройки. Если это хотя бы близко к истине, игра начинает стоить свечей. Но вот если лично вас когда-нибудь вдруг обвинят в фашизме, можете на голубом глазу утверждать, что совершенно сознательно нанесли Рейху колоссальный ущерб и тем самым являетесь идейным антифашистом.

И вообще во время их первой встречи, подполковник отвечал не сразу, после короткой паузы, говорил негромко, монотонно, и самыми простыми фразами, так что немец решил, будто это обычная его манера, и вообще он именно таков. После он имел много случаев убедиться, что впечатление это не то, что ошибочно, а прямо противоположно истине.

Второй пуск, состоявшийся на следующий вечер, являл собой некоторые отличия. Он состоялся на полчаса раньше и был произведен с полупогруженного в грунт старта. Если из давешнего стакана торчало около четверти общей длины изделия, то теперь в степи виднелся только темный обрубок, очень напоминавший надземную часть колодца.

Фон Браун, наученный горьким опытом, напялил темные очки и с самого начала глядел на старт исподлобья, избегая прямого взгляда. Когда все вокруг залил свет красных ракет, он счел себя вполне готовым, но все равно вздрогнул, когда в степи глухо, раскатисто ахнуло, а из «колодца» буквально вылетело облако черного, как сажа, дыма. И уже из него, из облака вынырнуло остроносое тело «каракатицы», на бредовый миг зависло над землей и извергло водопад огня, ринувшись в небо. Теперь набор скорости шел еще быстрее, так, что разница была заметна на глаз. Больше всего конструктор поразил довольно обширный диск какого-то материала, паривший над землей, будто в раздумье, куда, в конце концов деваться, и поверх-

ность его шла волнами. Это не длилось, не могло длиться сколько-нибудь долго, но, однако же, взгляд за эти считанные мгновения успел разглядеть множество самых разных подробностей.

На этот раз последние данные телеметрии передали с последнего, двенадцатого контрольно-телеметрического пункта, и в ней все было в порядке: даже тот самый «ПАД – 1» сработал штатно, когда, выгорев дотла, погасло тяжелое, как хрусталь, на редкость твердое и прочное вещество, по недоразумению призванное быть горючим. И аппаратно-сигнальный блок отделился штатно. Все было, можно сказать, идеально. Вот только спустя несколько секунд сигнал начал слабеть, пока не пропал окончательно. Поиски в районе, лежавшем дальше на восток, ничего не дали. Никто не видел ослепительной, на десятки километров видимой вспышки. Дело отчетливо пахло серой, и подполковник артиллерии был необыкновенно мрачен и задумчив.

– Ничего, – успокоил его фон Браун, – это еще мелочи. То ли еще будет... Послушайте, – мне совершенно обязательно обращаться к вам «господин подполковник»? Может быть, вы предпочтете какое-нибудь более удобное обращение.

– Можете называть Сергеем Павловичем. Пригодно как при обращении к старшим, так и между равными, лишено фамильярности и как раз в меру официально. И вообще привыкайте, это надолго... Кстати, – на что вы там намекаете?

– О, я не хотел бы делать преждевременных выводов. Все станет ясно не более, чем через... – он взглянул на часы, – сорок минут. Скорее, раньше.

– Что за черт, – нахмурился Королев, когда через пятьдесят минут после исчезновения сигнала ему сообщили, что телеметрия – есть, и все каналы на месте, – мистика какая-то...

И – замолк, потому что догадался, хотя догадка относилась к числу фантастических, а он был не в лучшей, мягко говоря, форме.

– Поздравляю вас, Сергей Павлович, – протяжно проговорил фон Браун, – сегодня я убедился, что у Господа нашего поистине... божественное чувство юмора. Увидеть, как вашу мечту реализовал кто-то другой, да еще сдуру! Так сказать, – по ошибке.

– Когда вы догадались?

– Очень просто. Когда увидел одну из цифр в этой вашей телеметрии. Семь целых шесть десятых километра в секунду. Могу ошибиться, но это около шестисот километров над поверхностью. У вас замечательные сотрудники, Сергей Павлович. По моим расчетам, нам бы потребовалось лет восемь работы без помех.

Аргумент дошел до адресата и ему дали совершенно верную оценку. Вот только к конференции он опоздал, а значит, – ко всему этому августу. А значит, – к целому лету. Поэтому аргумент несколько запоздал на весь этот год вообще. Ничего. Он относился к категории действующих длительно и здорово пригодился потом.

На этом испытания изделия «РТП» были закончены. Заодно надолго закончились испытания сколько-нибудь успешные, потому что началась разработка реальной системы вооружения. Не то, чтобы с нуля, но близко к тому. В разговоре с Вождем Саня Берович проявил крайний оптимизм, говоря о попадании в десятикилометровый круг на расстоянии тысячи километров. Он просто не представлял себе, о чем говорит. Его завод мог ускорить и облегчить кропотливую работу по управленческой тематике, – буквально каждый ее этап, – но НИ ОДНОГО этапа не мог исключить. Их нужно было пройти все, – один за одним, или же параллельно, но не пропуская ни единого.

А «Голос с неба» звучал еще несколько месяцев, пугая непосвященных совершенной непонятностью. Аккумуляторы с 63-го отличались большой емкостью и были исключительно надежны. Работа в космическом пространстве тоже была предусмотрена.

О природе смуты

«Выход из войны, переход от войны к миру, есть важнейшая военная операция. Утверждение это справедливо для любой войны»

«Немецкие солдаты! Гитлер – мертв, – говорилось в листовках, которыми были буквально засыпаны все мало-мальски значительные группы немецких войск, – он, вместе с рейхсминистром пропаганды Й. Гебельсом, погиб в бомбоубежище при рейхсканцелярии во время воздушного налета 9-го августа. Вам больше некому служить и вы больше не в состоянии защитить кого-либо. Те, кто не верят в наше сообщение, обращайтесь к офицерам.

Немецкие офицеры! Получая приказы на продолжение бессмысленного сопротивления, убедитесь в полномочиях тех, кто их отдает. Не расстреливайте своих товарищей и не давайте расстрелять себя, потому что со смертью Гитлера его преступные директивы об упрощенном судопроизводстве утратили силу. Ваши жизни понадобятся новой Германии, вам самим, и, главное, вашим семьям.

Солдаты вермахта! Не подчиняйтесь приказам должностных лиц СС, поскольку они более не имеют законных полномочий распоряжаться личным составом армии.

Призываем вас прекратить бессмысленное сопротивление, сложить оружие и оставаться на месте до прибытия представителей командования Красной Армии, уполномоченных принять капитуляцию, а также оружие и боевую технику. Попытки какого-либо перемещения будут пресекаться огнем артиллерии и ударами с воздуха.»

На другой стороне листовки красовались две черно-белые фотографии очень высокого (позаботились!) качества. Остатки рейхсканцелярии, на первом плане – противоестественно перекошенный, угрожающе нависший, закопченный прямоугольник фрагмента стены с имперским орлом на самом верху. Кратер с оплавленными краями на первом плане, с двумя человеческими фигурками для масштаба, на фоне того, что осталось от рейхсканцелярии.

Листовки тихо, как первый снег, сыпались и на стопятидесятитысячную армейскую группу окруженную в районе Котбуса, и на части, спешно занимающие позиции на передних и задних скатах Зееловских высот, и не очень понимающие, что именно им приходится защищать. После грандиозной ночной бомбежки, сокрушившей город, почти непрерывно продолжались бомбежки не столь масштабные, но предельно методичные, переводившие на щебень то, что еще возвышалось. Чудо: каждый раз после этого что-то еще все-таки горело. Судьба эсэсовских частей, занявших оборону в лесном массиве к северо-западу от Берлина, оказалась особенно страшной: они почти в полном составе погибли в грандиозном пожаре, уничтожившем лес. Даже те, кто сами и засыпали его тысячами напалмовых бомб в жарком августе 1943 года, – аккуратно, от опушки – к центру, – говорили: «Врагу не пожелаешь».

Берлинское (или где оно находилось на самом деле?) радио и впрямь что-то молчало уже который день.

А вы и поверили? Разве можно верить врагу? Фюрер уже давным-давно прорвался в Тюрингию и будет руководить сопротивлением из неприступного убежища в горах. Как, вы разве не знаете? Ханна Райч вывезла его на особом самолете с ДВОЙНЫМ двигателем, более быстрым, чем любые истребители. Да никакая не шлюха Райч, а генерал Бауэр. Чушь. Да, фюрер улетел, но не в Тюрингию, а в Гватемалу, а дальность у того самолета 11473 километра. Эх, вы, наивные. Не в Гватемалу, а в Англию.???!!! А чего вы удивляетесь? Думаете, Гесс даром, так просто туда улетел? Не-ет, у фюрера с Черчиллем давно все обговорено. Чтобы, значит, большевикам в Германию хода не было. Бабы сказки. Фюрер действительно улетел,

но его самолет сбили «Хвостатые Иваны», и никто не спасся. Причем тут самолет? Да вы знаете, сколько под Берлином секретных тоннелей нарыто? Раз в двадцать больше, чем открытых. Есть прямой до самых Альп, а есть до секретной базы подводных лодок. Хорошо. Спасся или не спасся, а все равно не командует. Ты думай, что говоришь. Да я про то, что из той дыры, может, и связи никакой нет. Пока протянут, – это ж сколько времени пройдет? Не-ет, камрады, а фотография все равно страшная какая-то. Агитация, не верю. Ты в Берлине бывал? Видел? Нюхал, чем пахнет? А я видел, и с тех пор во все верю. Ладно, фюрер или не фюрер, а нам-то что пока делать? Ты солдат. Вот и исполняй свой долг, как солдат. Я солдат старый, и вижу, что мы сидим в собственном дерьме посередине голого, как плешь, поля, где, как ни крути, не укроешься. Ты не понял, камрад, это такая тевтонская военная хитрость: навалить кучу до неба и, значит, в ней укрыться. А артиллерия наша где? На дороге оставили? Между прочим – траншеи еще до нас выдуманы. Вот угостит нас «иван» «супом с клецками», горя-аченьким таким, – пробовал? – много тебе эти траншеи помогут. Только что на похороны тратиться не придется. Слушай, – иди, и сдайся! Только не смерди тут. Посмотрим, кто в первых рядах сдаваться-то пойдет. Уж точно не я. Не знаю, как у вас, а наш лейтенант на позиции все реже появляется, с прочим офицером пьет все время, не просыхает. А я с ним второй год, на него не похоже. А оберста так и вообще давно не видно. Михель, ординарец его, ну рыжий такой, знаешь? Говорил, что герр оберст давеча цивильный костюм примерять изволил, и не один. Вот так-с! А жратву с утра не привозили, и патронов... А, что там говорить! ... А правда, – чего мы ждем-то?

Сухая глина под ногами, нынче истолченная отчасти в пыль, на уголь сожженная роща слева, пахнувшая горькой гарью, только редко-редко торчат превращенные в черные столбы самые крупные из деревьев. Черное от гари, седое от пепла поле. Стертые до нераспознаваемости руины на ближайшем холме и что-то, вроде бы, поодаль. Пологие балки с угольно-черными берегами, как будто по ним протекли реки огня. Что за место? Да какая разница. Где-то в Германии. Как-то называлось, за что-то получило имя. Теперь умерло, и имя умерло вместе с ним. Больше некому называть и нет ничего такого, что дало бы новое название. На карте, понятно, какое-то название имело место, но теперь и карта врет. Приехали эсэсовцы, взорвали трехсотлетнюю запруду, помешала она им, чтоб, значит, затопить местность перед наступающими частями красных, вот только вода в два счета утекла сухими балками между холмов. Были они в небольшом числе и, судя по всему, тяжело, застойно пьяны. В том самом состоянии, когда алкоголь проявляет себя только некоторой замедленностью неестественно точных движений, мрачным ожесточением и непоколебимой уверенностью в том что твои решения, даже самые идиотские, являются не только наилучшими, но и единственно возможными. Мельком, – чтоб не вызвать приступа смертоносной ярости, – глянув в страшные, налитые кровью глаза одного из таких деятелей, оберфельдарт Циммерман содрогнулся. Он утверждал впоследствии, что один только алкоголь такой картины дать тоже не мог, и имело место еще что-то, первитин, фенамин, морфий или смесь того и другого. Очень может быть, но, с другой стороны, – это смотря сколько выпить. Нормальных солдат их присутствие радовало примерно так же, как пребывание в непосредственной близости хрипящих от злобы цепных волкодавов без привязи и намордника. Прибыв, они первым делом пристрелили троих каких-то бедолаг в обтрепанной форме (одного явно ненормального). Судя по всему, именно с этой целью их и привезли. Потом, как было сказано выше, взорвали запруду, а, проделавши все это, начали выискивать, к чему придраться еще. Им не нравился внешний вид людей, уже который час подряд копающих траншеи в сухой и твердой, как саман, глине. Их совершенно не удовлетворяла опрятность солдат, поскольку «внешний вид воина великой Германии должен быть безукоризненным в любых обстоятельствах». При этом от говорившего уже метра за полтора несло сложной смесью ароматов, среди которых главными были перегар, свежак, тухлый лук, заношенные

носки (пахнут ни капельки не лучше портянок и даже онучей), прокисший пот, прелая моча, присохшее прямо в заднице дерьмо – и прочее, но уже по мелочи. Им казалось, что у фольксгренадер 16-й дивизии недостаточно высокий моральный дух, и поэтому они всё требовали огненной ненависти к большевистским полчищам и фанатической преданности идее.

Они были не вполне справедливы к своему командиру. Впрочем, это характерно для всех подчиненных, вне зависимости от нации или эпохи. Лейтенант Панновиц, будто почуввав что-то, прибыл к месту действия, на ходу зачехляя каску и дожевывая. Около двух минут он, как истинный знаток, слушал лекцию о несгибаемом упорстве и преданности Фюреру даже с некоторым удовольствием, но потом на лице его отразилась откровенная скука. Он понял, кто перед ним.

– Шли бы вы отсюда, – проговорил он, наконец, с мучительной тоской, – а то, не ровен час, «иван» придет. Это вам не цапетников мордовать. Запросто можно пасть смертью храбрых в духе фанатической преданности, и Рейх потеряет еще нескольких образцов арийцев. Вполне может, кстати, не пережить такой потери.

– А-а-а, – почти завизжал унтершарфюрер, – вот вы чего хотите на самом деле! Избавиться от нас, чтобы удобнее было перейти к русским, когда они придут сюда? Поди, – у каждого припрятана эта мерзость? – Он поднял над головой скомканную листовку, ту самую, с фотографиями. – Так?! Ф-фсе вы тут...

Он не договорил, потому что еще один из его команды, криворотый недомерок, который до сих пор не сказал ни единого слова и только в явном изумлении озирался по сторонам, вдруг каким-то птичьим движением вытащил «люггер» и выстрелил лейтенанту в живот. Сбило с толку и помешало старому фронтовику отреагировать должным образом то, что у стрелка двигалась одна только рука, отдельно, так, что остальное тело сохраняло неподвижность. Это было так дико, что на миг замерли все присутствующие, даже эсэсовский проповедник, резко обернувшись, замер с открытым ртом. По-другому отреагировал один только Клаус Эйдemann по кличке «Штихель». Бог его знает, как у человека получалось опираться на «МГ – 42», будто его и вовсе нет. В смысле – и Штихеля, и пулемета. Плотная струя пуль ударила по эсэсовцам, как бьющий наотмашь лом, как взмах косы в руках самой Костлявой. Нелепо взмахнул руками, подлетел и рухнул на спину непрощеный проповедник, он стоял ближе всех, и потому очередь буквально выпотрошила его. Изломанной куклой кувыркнулся на бок и затих криворотый убийца. Человек, не расстававшийся с пулеметом уже четвертый год, Клаус срезал всех «черных» практически в одно экономное движение, но последний все-таки был застрелен в спину и на бегу. Так и сунулся вниз лицом, с вытянутыми вперед руками.

– Оберсту, – прошептал сереющими губами Панновиц, – оберсту доложите. Скажите, что переодетые диверсанты...

Немцы есть немцы, – они и пошли, и нашли, и доложили. Оберст есть оберст, – он пришел. Да, взгляд устремленных в непостижимые дали глаз был несколько стеклянным. Да, шаг мог бы показаться кому-то слишком чеканным. Но так – полный ажур, не подкопаешься.

– Так, – проговорил он, покачиваясь над свеженькими трупами на носках ослепительных сапог, – взад-вперед, взад-вперед, – трусы-паникеры-истерики? Педерасты? Тогда все правильно. Содомиты – мерзость перед лицом Господа...

Дело в том, что он не был немцем, а, наоборот, австрийцем и католиком. И к его безукоризненно сидящей форме со всеми регалиями очень шел немислимого совершенства кремовый котелок.

Пададь в вонючих черных мундирах без церемоний покидали в овраги, чтоб не смердели потом.

Из-за холма, едва не задевая развалин на его вершине, стремительно вылетел одиночный штурмовик, пролетел над передним краем на ультрамалой высоте, а потом развернулся в глубоком вираже и ушел на восток. Это, безусловно, радовало, но и смущало. Радовало по вполне

понятной причине: к этому времени даже одиночный штурмовик русских мог причинить страшный урон. Два контейнера «елочных игрушек», – так их прозвали солдаты за круглую форму и стеклянные поражающие элементы, – запросто могли дать до полутысячи убитых и, главное, раненых, потому что ни окопы, ни щели не давали эффективной защиты от мерзких колобков, раскатывающихся по местности. «Полевой вариант» контейнера отличался большим, девяносто пять процентов, содержанием бомб, которые взрывались через минуту-полторы после рассеивания и только около пяти, имеющих отсроченное действие. У того самолета, который пренебрег ими, на подвесках было что-то очень похожее, и он мог бы устроить им веселую жизнь. А он не стал.

Что-то неподходящее для нашего брата, вот как. Да нет, видно, «коровы» обнаружили подкрепление на марше, туда полетел. Идиот, тогда был бы десяток. Я понял, камарады, это они нашу кухню обнаружили. Да, тогда в самый раз будет. Вот мерзавцы, – в самое больное место норовят. Уж этого я «иванам» точно не прощу. А не мешало бы пожрать. А ты что – хочешь, что ли? Ну-у? А нету! Ах, ты! Плохо еще, что орудий ни одного. А тебе что, – надо? Что, опять скажешь «нету»? Почему? Есть. Неподалеку, километров восемь отсюда, на обочине. Целенькие, даже снарядов ящиков пять. Только «чума» лошадей побил, а тягачи еще раньше побросали. Сбегал бы, прикатил. Это ты у нас, как першерон, а у меня кость тонкая.

– Гальбе, – ожила вдруг давным-давно молчавшая рация, и герр оберст вздрогнул, потому что голос принадлежал не кому-нибудь, а самому Вильгельму Кейтелю, – где вас носит черт, у вас бардак со связью, слушайте, Гальбе, спешно готовьте позиции, на вас движется колонна русских, предположительно из состава пятой гвардейской армии, с усилением... Держитесь там, вы сейчас одни прикрываете южное направление, но помощь идет, слышите? Что вы там бормочете? Откуда сведения? Обыватели донесли, по телефону между прочим, у них со связью бардака нет, докладывайте, что там у вас как...

Когда тебе прямо вот так, на полевую станцию передает указы и требует доклада целый генерал-фельдмаршал и бессменный руководитель ОКВ по кличке «Лакейтель», значит, дела и впрямь плохи. Хуже, чем кажется, а это надо суметь.

– Личный состав 4256 человек, причем линейного состава боевых частей 1862 фолькс-гренадера. Горючего нет, артиллерия утрачена, автотранспорта нет. Стрелковое оружие почти по штату, боеприпасов примерно по десять патронов на ствол. Связи до этого сеанса не имели двадцать восемь часов. Продовольствия – сухой паек на сутки. Все.

– Это не доклад, Гальбе, а черт знает что! Кто сосед с левого фланга? Кто сосед с правого фланга?

– Выясняем, господин генерал-фельдмаршал. – Бессмысленная болтовня надоела оберсту, и он решил прекратить ее самым надежным образом. – А скажите, господин генерал-фельдмаршал, а это правда, что Фюрер погиб при воздушном налете?

– А? Что вы там такое говорите? Почему, черт возьми, ничего не слышно?

Голос начальства, как и ожидалось, начал стремительно слабеть, после чего, как и ожидалось, связь прервалась. С концами. Значит, правда. Или от правды *неотличимо*. Он добавил из фляжки и созвал оставшихся командиров остатков оставшихся батальонов. Сообщил им примерное содержание сеанса связи и спросил.

– Ну? Вы слышали? На вас одних, засранцы, оказывается, вся надежда. Тут-то мы и остановим большевистские полчища и повернем ход войны вспять. Начальство нам доверяет и это, понятно, высокая честь. Вопросы?

– Герр оберст, а на нас-то кто?

– Сущие мелочи, не стоит внимания. Какая-то там Пятая Гвардейская общевойсковая. Правда, – с усилением, но тоже ничего особенного. Какие-нибудь два-три мехкорпуса, танко-

вый корпус из 3-й Танковой, пара полков тяжелых самоходок и еще что-нибудь, по мелочи. А теперь я лягу спать, а вы – марш к солдатам. Если что – разбудите...

Да нет, не может быть. Если б правда, то давно прислали бы авиацию. Точно, от нас, по идее, сейчас были бы одни клочки. Тем более, что этот нас видел. Мог не передать. Брось, камрад, у «иванов» со связью все в порядке, а за такой зевок у них без разговоров ставят к стенке. Нет, точно вранье. Нечего им тут делать. А придут, – так что ж делать? Будем драться. Поляжем тут, но не отступим... Полечь, – это да, это запросто. Жаль только у саперов сто двадцать мин на все – про все, а «колючки» нет вовсе... Тихо!

Куно Мюллер, егерь из Тюрингии, поднял веснушчатый палец и буквально насторожил слегка оттопыренные уши. Не вот, но довольно быстро разговоры смолкли, прислушались и все остальные. Что-то вроде... Да нет, померещилось. Да нет, точно. Отдаленный, но все более слышный рев тысяч моторов и зловещий, смертный лязг бесчисленных металлических сочленений.

То, что имело выйти на них через полчаса, только отчасти развернулось в боевые порядки. Основная часть бесчисленных машин остановилась в поле, как следовала, походными колоннами. Очевидно, они уже вовсе ничего не опасались. Зато то, что развернулось, остановившись мерах в четырехстах от передней, видимой, как на ладони, траншеи, действительно заслуживало внимания. Громоздкие, уродливые машины, собранные явно на базе тяжелых или даже сверхтяжелых танков, вместо честных орудий – какие-то обрубки с насадками на конце, и еще пара коротких стволов, поменьше. И по бокам корпуса тоже приварены какие-то коробки. У другого варианта из-за глухой, с двумя пулеметами рубки торчит несколько коротких, толстых стволов, глядящих почти вертикально, с легким наклоном. А еще и у того, и у другого варианта имелись тяжеленные катки впереди, и дополнительно наваренные экраны брони где только можно.

– Только не вздумайте стрелять, – побелевшими губами прошептал обер-ефрейтор Краус, – ради бога, – только не стреляйте.

Панновиц, на которого оберфельдарт не пожалел полноценной дозы морфия, приподнялся, глянул стеклянными глазами и прошептал.

– Не стреляйте. Узнайте, чего они хотят, разбудите оберста, что хотите, – только не стреляйте. А то в живых никого не останется. И костей не сыщут. Я такие штуки видел в Восточной Пруссии...

Это он правильно сказал. «Штуки» были типичным оружием конца войны. Мало пригодным при равной игре, но очень полезным для того, чтобы добить подранка без риска окарябаться. Фигурально выражаясь, не меч с копьём, а колода-«гасило» для сплющивания доспехов, молот-чекан для разбивания шлемов, мизирикordia для засовывания в щели лат – лежащих, спешенных с коней или сбитых с ног, не могущих подняться. Тяжелая огнемётная система «Факел» и тяжелый 190-мм шестиствольный миномет «Штамп». Дальнобойность довольно убогая, но вот так, при отсутствии противодействия и на короткой дистанции, страшнее ничего не придумано. От падающих вертикально мин в шестьдесят килограммов весом, от вязкой огнесмеси, в один залп накрывающей тридцатиметровый круг, защиты не существует. Гибнут даже железобетонные доты: заблокированные, задымленные, выжженные в упор, прямо через амбразуру.

Никто и не стрелял. Увидав воочию, с чем, на самом деле, им придется воевать, не стали делать глупостей даже самые фанатичные. Это было не столько страшно, сколько как-то нестерпимо глупо, даже стыдно. Если и нашлось несколько истериков, стрелять без приказа им просто не дали, вывернув оружие из шаловливых ручонки и дав по шее. Что за детство, на самом-то деле. Боя не вышло бы в любом случае: противотанковых орудий у них нет, а если бы и были, то глухие, лишённые обычных слабых мест лбы этих уродов как раз и рассчитаны на то, чтобы

ПТО не пробивали их НИ НА КАКОЙ дистанции. Гаубицы на прямую наводку, – пожалуй, но их нет. Еще приятно вспомнить тяжелые самоходки...

...При первом же выстреле они просто двинутся вперед, методично засевая минами и заливая огнем все перед собой, пока не угробят всех. Но, скорее, это люди на позициях не вынесут смертного ужаса, безнадежности и жалости к самим себе, после чего попросту побегут, как безумное стадо, чтобы бесполезно полечь под сотнями пулеметов.

Там, на той стороне, кто-то махал белым флагом, предлагая принять парламентаров. Панновиц молчаливо опустил веки, и его подчиненные дали отмашку. Все было просто, и все было ясно, и ни к чему думать, оставалось только совершать естественные и единственно возможные действия. К траншее подкатил, лихо развернувшись «РДМ – 1», так называемый «крокодил», машина новая, относительно редкая, но выданная уже довольно многими. Три пары колес, легкая неметаллическая броня от пуль и осколков, мощный двигатель и очень хороший обзор: толстые скошенные стекла держали пули даже крупного калибра, и уж во всяком случае не уступали броне прочностью. Хамское изделие: пуля не боится, из пушки не попадешь, ни на чем, даже на «цундапе», не догонишь и не уйдешь, противопехотных мин не боится, а противотанковые не взводит из-за легкости конструкции и широченных колес. По причине этакой своей безнаказанности, «крокодил», даром что техника, уклончиво-наглыми манерами более всего напоминал шакала. Вышедшие из машины офицеры, на первый взгляд, были похожи, как братья. Невысокие, плотные, довольно-таки белесые, в одинаково, чуть набок сидящих пилотках, страшно серьезные от молодости. Было лейтенантам лет по двадцать – двадцать два, но повоевать успели, на плотно обтягивающих грудь гимнастерках виднелись по три-четыре медали и по красненькому ордену. Oberst есть oberst: он был здесь, без признаков стекла в глазах и в фуражке на порядочно седой голове, и со спокойным любопытством смотрел на сопливых парламентаров.

– Кто уполномочен вести переговоры, – лейтенант говорил по-немецки хорошо, чувствовалось, что это его родной язык, но сама речь была какой-то странной, архаичной что ли, – с германской стороны?

– Можете смело говорить со мной. Вариант не хуже никакого другого.

– Командование шестого гвардейского танкового корпуса предлагает капитулировать на стандартных условиях и, главное, – побыстрее освободить дорогу походным колоннам.

– А если нет?

– А если нет, герр oberst, то хватит вашего воинства минут на двадцать, не больше. И это никому не нужно. Ни нам. Пока развернемся, пока дадим залп или два, а время дорого. Ни вам, потому что сгинете без всякой пользы...

Что-то насторожило немца, и он пригляделся к офицеру внимательнее. Он не так молод, как хотел показать. И глаза не двадцатилетнего пацана. Пусть даже ветерана. Еще раз, уже откровеннее глянул ему в глаза, и тот, не отводя взгляда, осторожно сложил губы колечком. Совершенно так, как делают, собираясь сказать международное: «Ш-ш-ш!».

– Хорошо. Я сейчас прикажу открыть проход. Предлагаю обсудить условия у меня.

– Это правильно, – кивнул сомнительный лейтенант, – и пригласите ключевых командиров. Практика показывает, что это позволяет многое сделать проще, быстрее и с меньшим количеством недоразумений.

Да, организация капитуляции возложена именно на него. Сдать следует все автоматическое оружие, а один карабин из десяти следует оставить. Да, были случаи, когда на решивших закончить боевые действия нападали небольшие группы сумасшедших фанатиков. Что? Нет, не опасаемся. И не видим большой беды в том, что кто-то уйдет домой. Да, без винтовки. Только учтите, что дома нечего есть, а кто будет скрываться, не получит продовольственную карточку... Нет, меня сложно обвинить в предательстве, потому что моя семья живет в России двести пятьдесят лет, а Германия для меня совершенно чужая страна. В Сибирь? Не знаю.

Может быть кто-то, со временем. Сейчас слишком много работы здесь, транспорт уничтожен, начинается голод, и если не наладить хозяйство, скоро начнется голодный мор. Не бойтесь Сибири. Мы оба оттуда родом и, честное слово, очень хотим домой. Выданный вам пропуск действителен, только если вы идете в правильном направлении, отмечаясь на всех контрольных пунктах... Что? Просите оставить пулемет до прибытия к месту назначения? Ладно, в виде исключения. Как фамилия? Эйдеманн? Так и запишем. Что? Нет, американцы не высадились, и лучше не рассчитывать, что высадутся.

Оберст отправил офицеров к солдатам, знаком попросив русского задержаться. Он безошибочно определил в нем настоящего специалиста по части организации и приема капитуляций, причем, похоже, специалиста высококлассного. С таким разговор может и получиться. Вполне.

– Скажите, – что произошло? Если не секрет, конечно.

– Какой там секрет. Восстание в Словакии, восстание в Праге. И ваши коллеги, вместо того, чтобы вести себя благоразумно, и сдать, пока просят по-хорошему, пытаются его подавить. Никак не возьму в толк: на что рассчитывают? Обозлят моравов, и они наши танки на руках донесут... Зачем им лишние грехи? Все никак не навоюются...

Через открытый фронт бесконечно, сменяя друг друга, двигались грузовики, самоходные установки, танки и снова грузовики. И любому, имеющему глаза, было видно, что именно будет завтра с ребятами Шернера, сколько они продержатся против Пятой Гвардейской, и как поступят с ними те самые чехи с моравами в приступе праведного гнева, внезапно вспыхнувшего на почве столь же неожиданного свободолюбия. Они, понятно, известные вояки, но человек у себя дома при желании может перекрыть супостату практически все снабжение, и тогда он много не навоюет. Пожалуй, что и никто не уцелеет.

– Не-е, ты не говори, совсем другой немец пошел. Понятливый. Одно удовольствие с таким. Ты ему, мол, – хенде хох, битте, – а он со всем удовольствием. Никакого, значит, спору. Так-то воевать можно. Не-ет, что ты мне ни говори, а конец скоро. По всему видать. Такое прям счастье начнется, аж... Аж прям слов не хватает. Все по-другому будет!

– Это с какого такого перепугу?

– А как же? Ведь такую войну отломали. Заслужили, значит, достойны. Все колхозы отменяют, по-людски заживем!

– И где же это ты, Пыхов, таких вредных антисоветских речей наслушался? С чего ты это все вообще взял, в свою глупую голову?

– Все говорят!

– А ты, Пыхов, – того. Как ты есть настоящий патриот советской родины, то должен враждебные слухи пресекать. Разъяснять всю враждебную и клеветническую сущность этих, как его... злостных наветов на родной колхозный строй. А того лучше, – послуни химический карандаш, да и запиши имена и фамилия болтунов для особого отдела. А ты чего? Сам враз поддаешься на вражескую агитацию... Ну? Чего замолк-то? В портки навалил? То-то. Это тебе не в атаку ходить, либо, к примеру, под бомбежкой сидеть. Чего не радуисся-то? Вот те и весь сказ, Пыхов. Хоть ты три войны отломай, хоть скирду из фрицев сложи, а скажут тебе пару правильных слов, – и дело сделано. Такое ж самое ярмо наденут, что и до войны, тока потешельше, потому – все поломано и разорено, и работать, окромя тебя, Пыхов, некому. Понял? Это значит, что ты и будешь, света белого не видючи.

– Вот мутный ты мужик, Федор. Злой. Вот ты скажи – сам не радуисся, что войне, по всему, каюк скоро?

Да нет, почему? – Федор Хренов чуть приподнял голову, и руки его, сноровисто ломавшие хворост, чуть замедлили работу. – Радуюсь, конечно. Надоела война эта хуже... довольно-таки порядочно, короче. Нутро поет, что уцелел вроде. А головой понимаю, – зря радуюсь.

Тут немец в тебя стреляет, – ты в него, оно и ничего, по-честному. А там тебя бригадир в три погибели гнет, а ты и пикнуть не моги... Домой приеду – так жена, поди, в старуху превратилась, тело жидкое, и глядеть не захочешь, все, опять-таки, поломано. А главное винтовки нет. Ни стрельнуть кого, ни слова поперек сказать, ни уехать куда. Вот помяни мое слово, – которые из деревень, только и будут, что самогонку жрать. Зальются ею. От общей безнадежности жизни. Это когда и так все кругом хреново, и, главное, ничего хорошего и ждать-то нечего. Не-е, я попрошусь на службе меня оставить. В Германии за немцем приглядывать, чтоб не озоровал. У меня-то не забалуют.

– И-и... Да с какой радости тебя-то в погонялы поставят, Федь? Чай, почище найдутся. Офицере, грамотеи культурные, сынки начальнические.

– А – увидишь. Как я сказал, так и будет. А все почему? А потому, Пыхов, что власть у нас не барская какая-нибудь, не буржуйская. Она у нас рабоче-крестьянская, плоть от плоти, значит, кровь от крови трудового народа. Поэтому хрен ты ее обманешь. Она все про нас наскрозь знает, потому как знает себя. И как тебя, Пыхов, в два слова раком поставить, чтоб только пахал да помалкивал. И кого приставить, чтоб за такими вот приглядывать. Не за тем, чтоб не озорничал. Не. Чтоб пил только до полусмерти, а не вовсе вусмерть. Чтобы, значит, и дальше было с кого три шкуры-то драть...

Низкорослый, корявый Пыхов встал, медленно разогнулся, и с мертвым, ничего не выражающим лицом придвинулся к Федору. Никогда, ни к одному обидчику в детстве, ни к одному фашисту, ни к самому Гитлеру он не испытывал такой ненависти. Ослепительной, не дающей даже подумать о последствиях. Потому что никому еще не удавалось так ловко зацепить его за живое. Так только свой может, который плоть от плоти. Когда движутся так, неторопливое вроде бы движение не привлекает внимания, остается невидимым. И Федор, обычно по-волчьи сторожкий, не заметил, как блаженный соратничек подобрался к нему слишком близко. Будь градус его бешенства только малость меньше, он взялся бы за сточенную «финку», которой два года щепил лучину, кромсал хлеб и вскрывал банки с американской тушенкой. А так он только страшно, с непонятно откуда взявшейся силой, которой он и сам-то за собой не знал, ударил сидящего на корточках Хренова в скулу. А потом с рычанием вцепился ему в горло мертвой хваткой.

– Вот здесь, – капитан, щурясь от дыма причудливо закушенной «беломорины», косился в текст протокола, – Пыхов Василий Иванович, рядовой, беспартийный, указывает, что ты, Хренов, злостно клеветал на колхозный строй, утверждая, что: «Все колхозное крестьянство – это те же рабы, а руководство – те же бары, только хуже, потому что больше из трудящихся выжимают соку». И что: «Немцы – невпример лучше нашего живут, потому как без колхозов, и в гробу видали наше освобождение». И что «Фашисты – они только чужих гнули, а своих мужиков берегли, а наши только своих гнуть и умеют». Это какие такие «наши», Хренов, а? Че молчишь-то? Говори, верно изложено по факту, иль нет? Может оклеветал тебя придурок Пыхов, напраслину возвел? Так и есть? А вот теперь скажи мне, умник, – хоть один человек в это поверит? Ну ладно, я поверю, должность у меня такая, советским гражданам верить, – а еще найдется хоть один? А соратник твой, на вопрос о причинах своего странного поступка сообщил, что подумал, будто ты «немецкий шпион, из власовцев или еще какой предательской сволочи, и решил тебя задержать, пока не ушел». Понимаешь, Хренов, он, сдуру, такую подоплеку подвел, такой базис с надстройкой, что трое умных не выдумают. Его пожурят, что сам полез, а не обратился в спецотдел, мне – раскрываемость и бдительность, а тебе статья за контрреволюционную пропаганду...

Федор молчал. Он лучше большинства понимал, что любые попытки что-нибудь объяснить, – мол, он вовсе и не то имел ввиду, что говорил, – только утопят его еще глубже. Да и говорить-то ему было трудно. Мозгляк Васька треснул его так, что, похоже, сломал скулу.

Левую щеку разнесло так, что закрылся глаз, рот с этой стороны не открывался, а скулу дергало нудной, колющей, неотвязной болью. А еще болели два сколотых, не поймешь – как, зуба. Но куда сильнее чем они, чем даже перспектива следствия и трибунала, болело недоумение: ну не должно было такое приключиться – с ним! Наоборот должно было быть, по всему! А всего-то не сдержал говнистой натуры, оттянулся на придурке, отнял у блаженного цацку, – а жизнь-то и кончилась, и не выбраться.

Капитан окинул его оценивающим, каким-то липким взглядом, и вызвал караул.

– Что вы такое говорите, Энтони? Какие переговоры? Кого эти наглецы вообще представляют? Для переговоров нужны хотя бы две стороны. А я не вижу второй. А неофициально можете передать им, что они меня не интересуют. Ни официально, ни, тем более, неофициально. Что я их либо повешу, просто ради удовольствия, несмотря ни на какие выгоды, в присутствии русских, либо просто русским... передам. Как то и надлежит верному союзнику. Это, кстати, еще и ку-уда выгоднее...

– Саша, я боюсь показаться назойливым, но вернусь-таки все к тому же надоевшему вопросу. Что вы думаете об после войны, когда властям уже не надо будет столько самолетов и винтовок? А если это-таки плохо понятно с первого раза, то я еще уточню: как вы видите себя в этом интересном положении?

У Сани было свое, строго определенное мнение на этот счет, но он держал его при себе. Единственным человеком, с которым он не раз обсуждал этот вопрос, так и не придя к определенному выводу, была Карина Морозова. Больше эта тема не обсуждалась ни с кем. И уж во всяком случае, не с Яковом Израилевичем. Нужно твердо знать, кому из подручных – что поручить, и с кем – что можно обсуждать, а что – не стоит. Поэтому он никак не показал, что понял вопрос.

– А что мне остается делать, дядя Яша? Только ждать, во что это выльется, и надеяться, что, может быть, еще пригожусь.

– Саша, – задумчиво проговорил Саблер, – вы знаете себе, что такое война? Если думаете, что «да» то сильно ошибаетесь, а я-таки скажу то, что надо знать именно вам. Война это не только много крови и горя. Не только неаккуратное обращение с имуществом и большой беспорядок в делах. Это еще и прискорбное падение нравов. До войны женщина, которой случайно залезли под юбку, шла в полицию, а во время войны она рада уже тому, что осталась жива, не слишком помята, и ей не порвали чулки. За красивое хулиганство до войны давали по морде и срок, а за то же самое в чужом тылу дают цацки на грудь. Начинается война и людям вдруг говорят, что убивать и грабить хорошо, а некоторых даже за государственный счет учат делать поджоги и фальшивые деньги.

– Ты это к чему?

– Я это к тому, что после войны начинается-таки наоборот. Власти уже не хотят красивого хулиганства а начинают хотеть, чтобы так был порядок.

– Короче, – ржаво проскрипел Берович, приподнимая враз отяжелевший взгляд, – а то у меня нет времени.

– Ну, если уж совсем коротко. Если для вовсе деревянных бакланов, то ты, Саня, вор. Статья такая: нецелевое расходование фондов. У всех директоров оно было и есть, ни одного не покажешь, чтоб не было, но ты – особая статья. У тебя куда ни ткни, – попадешь в нецелевое. У тебя сплошь – нецелевое, это целевого у тебя шиш, да маленько. Тебя посадит самый сопливый следователь, и ему даже не надо будет ничего копать. Выделили на что? А потратил – на что?

– Да уж я-то, кажется...

– Когда ты будешь, – не дай Бог, конечно, но по-другому я не вижу, – сидеть напротив следователя, а того сопливого, за которого я говорил, тебе не дадут, и не надейся, ты увидишь, что русский язык – не один. Ты говоришь следователю, – а он тебя не понимает, и это-таки ладно, но еще он тебя понимает совсем не так. И говорит тебе совсем другие слова, а ты в толк не возьмешь, откуда он их взял с твоего же рассказа. Хотя ты, может быть, и понимаешь, поскольку таки-перекинулся парой слов со Львом Захаровичем, но зачем-то ломаешь комедию...

Вождь и Учитель читал сводки. Это была целая папка донесений, талантливо обработанных и тонко отнесенных к одной теме. Тема была такова, что о самом существовании ее надо было додуматься. Не говоря уже о том, чтобы разобраться, что к ней относится, собрать воедино, – не упустив при этом ни единой мелочи! – и при этом не сунуть в общую кучу НИЧЕГО лишнего.

«...Слухи о том, что после войны колхозы будут распущены, вообще чрезвычайно распространены среди фронтовиков и носят устойчивый характер. Можно даже говорить об уверенности в роспуске колхозов после победы, царящей среди широких масс фронтовиков. Особо крайние варианты высказываний в смысле: „Фашистскую вражину добьем, и за других примемся, тех кто дома...“ или: „Теперь мы знаем, куда потом повернуть винтовки...“ – и тому подобные пока встречаются, как исключение. Значительно больше распространена уверенность, что: „Товарищ Сталин разобрался“ – какая это ошибочная вещь, и издал приказ, который обнародуют: „На следующее утро после победы“. При этом сомнений в том, что колхозы – зло, в общем, практически, нет. С теми, кто говорит о благах и преимуществах колхозного строя, не спорят, но и не разговаривают на эту тему, переводя разговор на другое. Большой идеологический вред идет от впечатления, которое производит на солдат крестьянского происхождения культура аграрного производства в Германии, Дании, Голландии, Бельгии и т.д., урожайность, ухоженность полей, породистый скот, чистота, устроенный быт и явная зажиточность сельских хозяев...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.